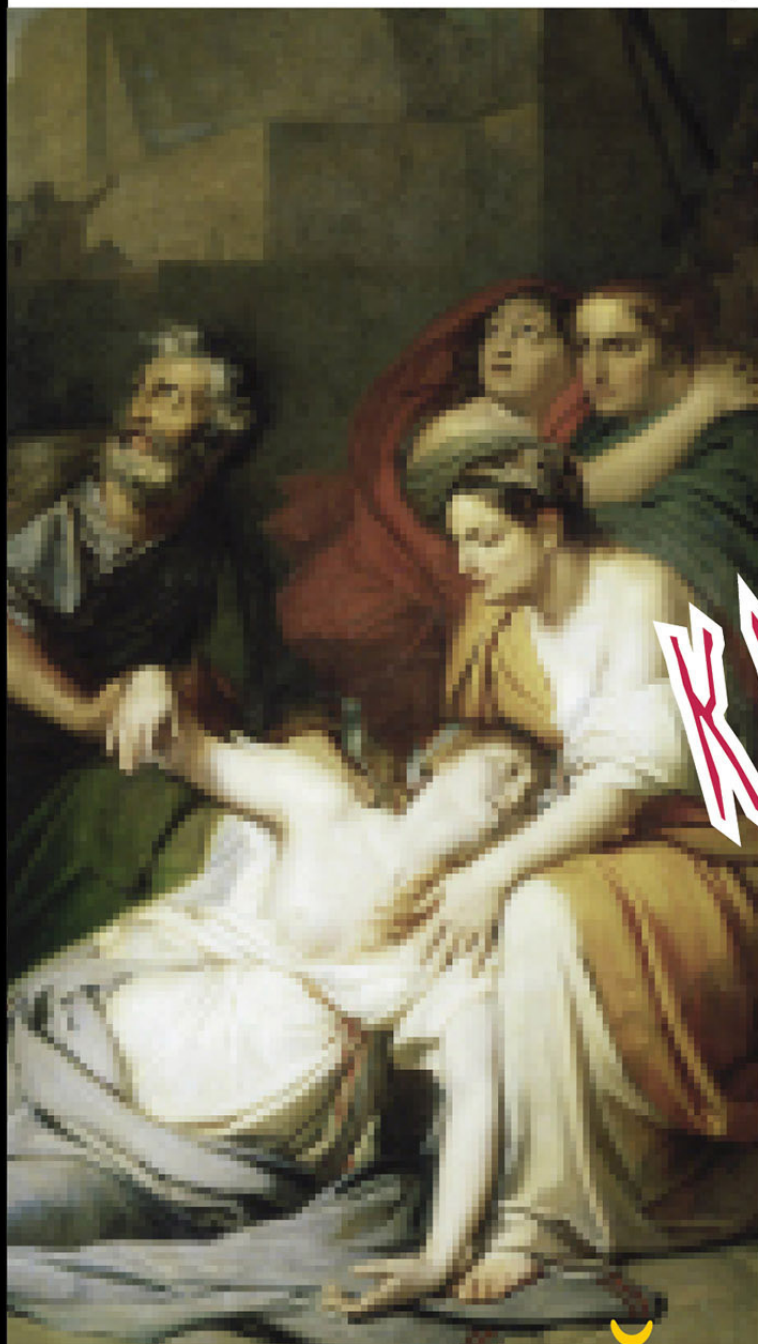

В. П. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТРИЦУ ЕКАТЕРИНУ II

КНИЖКА
МЕСТИ

БОЛЬШОЙ ЗАГОВОР

ПРИГОВОРЕННЫЕ ИМПЕРАТОРЫ

Большой заговор. Приговоренные
императоры. Убить императрицу Екатерину II

В. П. Волк-Карачевский

Кинжал мести

«Бутромеев В.В.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Волк-Карачевский В. П.

Кинжал мести / В. П. Волк-Карачевский — «Бутромеев В.В.»,
2020 — (Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить
императрицу Екатерину II)

Роман-хроника «Большой заговор. Приговоренные императоры. Убить императрицу Екатерину II» описывает исторические события с момента царствования Екатерины II, создания первого масонского государства в Северной Америке и великой масонской революции во Франции до наших дней. В центре повествования – судьбы правителей России и тех государственных деятелей Европы, которые оказались на пути масонов к мировому господству. Все правители России от Екатерины II до Николая II пали жертвами тайных сил, шаг за шагом продвигавшихся к своей цели. Русские императоры были приговорены к смерти, как некогда французские «проклятые короли», поплатившиеся жизнью за разгром ордена тамплиеров, возродившегося во всемирном сообществе франк-масонов. Первые книги посвящены истории убийства императрицы Екатерины II и её фаворита, светлейшего князя Потёмкина, а также королю Франции Людовику XVI и королеве Марии-Антуанетте, сложившим головы на эшафоте, и выходу на историческую арену Наполеона Бонапарта, положившего на полях сражений миллионы голов.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Волк-Карачевский В. П., 2020

© Бутромеев В.В., 2020

Содержание

Предуведомление,	7
I. Заботы и размышления Елизаветы Холмской	10
1. Осень, осень, желтых листьев шелест грустный	10
2. О чем задумалась девчина	12
3. А прежде – о Катерине	16
4. Умная Софьюшка	18
5. О талантах французских актрис	22
6. Руководство к действию	24
7. Приметы деревенской жизни	27
8. Ну да что же делать, если он таков?	30
9. О взглядах на сельское хозяйство Аркадия Аглаева и Марка порция Катона Старшего	32
10. Не получилось бы как с Арсеньевым	34
11. Михал Михалыч собственной персоной	36
12. Коварство и любовь	40
13. Его всемогущество Иван Кузьмич Кимрин	44
14. Улетела пташечка	47
II. Дела давно минувших дней	50
1. Как все начиналось	50
2. И как продолжалось	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В. П. Волк-Карачевский

Кинжал мести

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2020

© «ТГВБ», перевод, издание, 2020

* * *

*Жану де Лабрюйеру,
прославившемуся знанием разнообразия человеческих характеров
и нравов, а также пониманием тонкостей незыблемых законов
книготорговли, посвящает эту и все последующие книги автор,
преисполненный благодарности и надежд, пусть себе даже и не всегда
оправданных, но тем не менее согревающих душу.*

*Какой роман моя жизнь!
Слова, приписываемые Наполеону Бонапарту, которые вполне
могли бы сказать и императрица Екатерина II Алексеевна, и светлейший
князь Потемкин, и поэт Гавриил Державин, и поэты Шиллер и Гете,
а также знаменитые проходимцы: граф Мирабо, Талейран, наивный
Лафайет, дочь банкира Неккера мадам де Сталь, сам господин Неккер,
так удачно погрезивший руки на развале королевской Франции, господа
парламентские ораторы, не дававшие спуску друг другу Питт и Фокс,
князь Репнин, граф Румянцев вместе с сыновьями, стар и млад семейства
Разумовских, граф, князь и канцлер Безбородко, в конце концов достигший
всего, но не того, чего больше всего хотелось, император Павел I и его
сын Александр, художник Гойя, вездесущий Бомарше, король Людовик
XVI, его супруга Мария-Антуанетта и, конечно же, Катенька Нелимова,
милая автору непосредственностью и бесхитростной живостью
желаний восторженного девичьего сердца. Как, впрочем, и многие другие
персонажи, оставившие свои имена на потрепанных временем страницах
истории, беспристрастно изложенной в настоящем сочинении.*

Предуведомление, в котором автор неторопливо размышляет об Истории и о своих задачах, из этих размышлений вытекающих

В конце известного склонностью к просвещению и так любимого мною XVIII века в России и в странах, от неё значительно удалённых, произошли события, вызвавшие последствия, которые ни много ни мало изменили мир: карта Европы украсилась названиями новых государств, вместо башмаков с серебряными пряжками мужчины стали носить совсем другую обувь, женщины забросили шляпки, напоминающие чепчики, и надели на свои прелестные головки нечто совсем не похожее на то, чем они раньше надеялись привлечь нескромные взоры. Ну а никогда не дремлющие историки торопливо вписали в свои книги множество новых имён; часть же имён, которые раньше не сходили с кончиков их остро отточенных перьев, остались только в книгах, написанных до всех этих событий, а если и упоминались теперь, то все реже и реже.

А уж как перепутались жизненные пути многих простых людей, чьи имена не внесены ни в какие книги, кроме метрических, людей, никому не известных, но дорогих родным и близким, включая иногда и добрых соседей. Многие романтические девушки не дождались своих возлюбленных и вышли замуж совсем не за тех, о ком мечтали на заре туманной и пылкой юности; некоторые состоятельные господа обеднели, иные и вовсе разорились, а один подававший надежды стихотворец спился и умер в изъеденной мышами безвестности, не удостоившись бронзовых изваяний на шумных площадях столицы и мраморных в тихих залах библиотек. Так порой случается раз в три-четыре столетия, а то и чаще. Мир меняется.

И если ты, мой не лишённый любопытства читатель, запасёшься терпением и усердием и, одолевая страницу за страницей настоящего сочинения, проследишь ход этих событий в их стремительном развитии, то увидишь ту чудесную картину, которую по примеру одного легкомысленного француза, ко всему ещё наделённого поистине африканским темпераментом, я хочу повесить на надёжный гвоздь Истории.

Что есть история? Некоторые считают, и весьма упорно, что это взаимосвязь причин и следствий, вытекающих из строгих и незыблемых законов. И не только считают, но и излагают своё мнение, часто очень пространно, с многими подробностями, и весьма успешно – в том смысле, что находятся издатели, которые печатают их труды (именно труды, но никак не сочинения); и благодаря тому, что труды эти многотомны, а тома внушают уважение весом и толщиной, ими, этими томами, удобно заполнять полки библиотек.

И уже другие, следующие в порядке очереди историки, напрочь лишённые французского легкомыслия и, тем более, африканского темперамента, снимают покрытые пылью фолианты с полок, изо всех сил ворошат страницы, анализируют факты, сопоставляют цифры и делают совершенно новые выводы и неопровержимые, а иной раз даже парадоксальные заключения. И все это движется подобно священной реке, суровым торжественным потоком, застывая время от времени в незыблемых гранитных берегах триумфальных арок, парадных порталов и заново општукатуренных фасадов.

Что касается меня, то я, мой снисходительный и благожелательный читатель, скромно держусь в сторонке от этого неумолимого в своей вечности потока.

Волей-неволей мне пришлось прочесть так много томов исторических трудов, что изложенные в них факты я по большей части уже забыл, а цифры безнадежно перепутал. Волей, потому что читал я их, в общем-то, по своей охоте, подталкиваемый природным любопытством, приобретённым по ходу продвижения от счастливого и беззаботного младенчества к наивному детству, а от детства к непоседливой юности и зрелым летам, достигнув коих, я обна-

ружил несметные и всевозрастающие запасы этого самого любопытства, требовавшего ответов на множество вопросов, – ответы на некоторые из них мне удалось найти сначала с помощью милых и беззаботных девушек, а потом догадливых и, что очень важно, предусмотрительных женщин. Но часть вопросов оставались без ответов, и ответы на них я доверчиво понадеялся отыскать в толстых книгах, по скупости, свойственной многим издателям, обычно не снабжённых картинками, хотя иногда в них и попадались гравюры и гравированные же портреты.

Ну а невольно, потому что перелистывать сотни и тысячи страниц приходилось себя заставлять: уж больно было скучно. И тем не менее, благодаря усердию (к которому призываю и тебя, мой, неустанно ищущий высоких истин, читатель), одолев множество исторических трудов, я обнаружил, что факты и цифры и даже глубокомысленные выводы совсем не есть История, а только всего лишь одежды Истории, часто строгие, сверкающие и блестящие и даже расшитые золотыми галунами, как ливреи важных лакеев, а иногда подызносившиеся и лоснящиеся в некоторых местах от долгого употребления, а иной раз это и просто лохмотья, ветхие и сверкающие не золотом и серебром, а зияющими дырами, порой гордо выставляемыми на всеобщее обозрение по примеру Антисфена – одного из не очень известных учеников прославленного древнегреческого философа Сократа, наставника знаменитого Диогена. А вот под этими одеждами и скрыто главное, суть и сущность Истории. Что же это? Интрига, интрига и ещё раз интрига, догадливый мой читатель.

Слово интрига, как и всякое достойное уважения слово, происходит из древнегреческого языка и в точном переводе значит пружина, точнее – опасная пружина и ещё точнее – опасно сжимаемая пружина.

Сжимают её люди, которым избыток желаний и все того же любопытства вкупе с обычной непоседливостью и ещё кое-какими качествами и чертами характера не дают вести размеренно-обыденную жизнь в привычных делах и заботах и потому-то они и сжимают и закручивают её, эту пружину, до тех пор, пока она не разожмётся и не подбросит вверх тормашками всех, кто сжимал её, вместе с теми, кто мирно вращался в кругу спокойной жизни и ни во что не совал своего носа.

Вот тогда-то и меняется мир, со всеми его странами, башмаками и шляпками. А люди, нарядившись в новые одежды, опять начинают сжимать все ту же пружину, движимые все теми же желаниями, прихотями и чудачествами, которые сплетаются в цепочки, тянущиеся из прошлого в будущее, завязываются мелкими узелками, а иногда и затягиваются в самый сложный узел, который потом приходится развязывать, распутывать, а то и разрубать мечом, как это сделал однажды нетерпеливый царь македонян Александр, благо меч у него всегда был под рукой, а решимости ему было не занимать.

Читателя, жаждущего скрупулёзного разбора фактов и глубокомысленных выводов, я отсылаю к библиотечным полкам, заполненным трудами самых кропотливых историков, среди которых преобладают немцы – безусловно, именно им, а не кому-либо ещё нужно отдать пальму первенства, когда дело доходит до точности и глубокомыслия, по поводу, к примеру, непонятных, далёких звёзд на ночном небе и нравственного закона – а к чтению моего сочинения я приглашаю только любителей интриги.

Интриги, интриги и ещё раз интриги, плаща и кинжала, любви и шпаги.

Ибо, как и ещё один француз – который хотя и не обладал африканским темпераментом, но тем не менее не стеснялся присущей его соплеменникам легкости и простоты вкусов – я тоже променял бы любые серьёзнейшие исторические труды на разного рода подробности, особенно интимные и потому не вошедшие в официальные отчёты, репортажи и манифесты.

Я держусь мнения, что именно они, эти интимные и потому тайные и вследствие своей тайности малоизвестные подробности и есть основа интриги всех событий. А интрига и есть История, что я и продолжу упорно доказывать тебе со следующей страницы, мой доверчивый, а главное, ленивый читатель: когда-то ты поленился прочесть какого-нибудь Карамзина с Соло-

вьёвым в придачу или Лависса и Рамбо, ну так не ленись полистать книгу, которую волею случая ты уже держишь в руках.

I. Заботы и размышления Елизаветы Холмской

1. Осень, осень, желтых листьев шелест грустный

Дни поздней осени...
А. С. Пушкин.

Заканчивая предыдущую книгу своего, несомненно, многотомного повествования (ибо именно многотомность придает солидность всякому сочинению), я обещал вернуться к тайным делам братьев Соколовичей и ничуть не отказываюсь от своих слов.

Но прежде нужно закончить рассказ о подготовке Елизаветы Холмской к венчанию. Ведь эти приготовления – и простые сборы перин и подушек, и размышления о переменах жизни, ожидающих впереди, для молодой девицы не менее важны, чем усердные хлопоты всех масонов – от рядовых членов всем известных лож до магистров самых высоких градусов и двух верховных тайных масонов, невидимо правящих миром, – о подготовке великой масонской революции; она вскоре зальет кровью сначала улицы Парижа, а потом и всю сонную Европу, пробудит ее громом пушек и топотом миллионов ног, обутых в солдатские сапоги, по мощным булыжником дорогам, и огласит криками и воплями жен и матерей, которым не суждено больше увидеть своих мужей и сыновей.

Волшебная северная осень уже вступила в свои права. Мелькнули едва уловимые глазом май-травень, июнь-разноцвет, июль-грозовик и вот уже август-серпень: берись за серпы и за всякую осеннюю работу, чтобы сытно, не впроголодь перезимовать.

Начало ветхозаветного года – сентемврий, сентябрь-листопадник, рюинь, по-старому речению, и октябрь-грязник миновали в трудах, где уж их приметить, эти быстролетящие дни, – работы – не поднять головы. И солнышко реже блещет, и воздух так чист, точно его совсем нет, а по ночам в небе уже высоко сияет бриллиантовое семизвездие Стожар, и короче становится день, лесов таинственная сень с печальным шумом обнажила голые ветви, поля с утра укрываются туманом, а гусей крикливый караван потянулся к югу.

Да что там гуси! Вот уже и Арина – журавлиный лет и над голой равниной колеблется, относимый ветром в неведомую даль, косой клин с жалящим сердце щемящим криком под отчаянно прощальный взмах крыла.

И увидев журавлей в безбрежном небе, исчезающих в глубинах поднебесья, – вот еще чуть-чуть заметны, еще миг, один только миг, и нет их в бескрайних просторах – пропали, растворились в сизой дымке, неуловимо, как ушедшая в иной мир душа, – какая неизъяснимая тоска и несказанная печаль вдруг охватывает все твое существо, какое острое чувство утраты проникает в сердце, все еще не разучившееся надеяться – а на что оно надеется неведомо и ему самому...

Давно отсуетились в лесу муравьи, попрятались ужи и змеи-гадюки, отревели буйные лоси и олени, и волк с волчихой, разбойные хозяева леса, сводили на первую охоту свой выводок, большеголовых, неловких еще и не скорых пока на ногу волчат.

К Филипповкам, до поста, угощай домового, чтобы не обижал в хлевах не возвращающуюся в опустевшие поля скотину, и готовь лучину девкам-пряхам к длинным зимним ночам – им счет с Кудельницы, первой прядильной недели. А уж если кто задумал жениться, поспевай до Филипповок.

Елизавета Холмская, получив ответ от Оленьки Зубковой, хотела было еще раз встретиться с Александром Нелимовым. Она прекрасно понимала, чем закончится эта встреча и

как неуместно все то, что может произойти с нею накануне венчания с князем Ратмирским. Но ее влекло в Заполье.

Открытие, сделанное ею в свое первое посещение имения Нелимовых, заключавшееся в том, что Александр, казавшийся ей недосыгаемым, мог принадлежать не только Поленьке с ее огромным приданым, не только Оленьке Зубковой – с ней Елизавета не решилась бы тягаться и раньше, не то что теперь, когда она неожиданно стала богаче всех в округе, но и ей, Елизавете Холмской, произвело на нее огромное впечатление. Тот взгляд, которым Александр посмотрел тогда на нее и тот взгляд, которым она ответила ему... О, эти взгляды сказали ей все.

Да, может принадлежать и ей, или вернее она ему, пусть не навсегда, не по венчальному приговору, пусть не надолго, даже не на одну ночь – она ведь не может не вернуться домой целую ночь – пусть совсем ненадолго, и, возможно, только один раз...

Влюбилась ли она вдруг в Александра Нелимова? Потеряла ли она голову, дрогнуло ли ее сердце, лишилась ли она сна? Нет. Но то, что могло случиться между ней и Александром, казалось намного интереснее, таинственнее и притягательнее того, что должно вскоре произойти у нее с князем Ратмирским: венчание, брачная ночь, семейная жизнь в Трилесино и планы каким-либо образом заставить мужа проводить хотя бы зиму в Москве.

Все это относилось к обустройству жизни как таковой и стояло в одном ряду с покупкою нового дорогого платья на из месяца в месяц откладываемые деньги, в одном ряду с планами определить в Москве к кому-либо из дальних родственников сестру Софью, потому как здесь, в округе, для нее просто нет подходящих женихов, и с планами выдать замуж за их соседа Аглаева сестру Катерину.

А то, что могло случиться с Александром Нелимовым (и, конечно же, несомненно, произошло уже у него с Оленькой), было чем-то иным, непонятным, но властным и подчиняющим, напоминающим первое гадание в старой бане в крещенский вечер, захватывающим дух и лишаящим воли. Она помнила свое первое гадание сразу после их возвращения из Москвы в Надеждино. И Катерина и Софья побоялись пойти в полночь в баню. А она пошла вместе с дворовой девкой. И когда при свечах они вылили в миску с водой расплавленный воск, в клубах пара ей привиделось чье-то лицо... Больше всего похожее на лицо Александра...

Будь у нее такой повод накануне – это письмо от Оленьки, эти, их с Александром, взгляды, и окажись Александр один в имении... Будь это все полгода назад до того, как она добилась сватовства князя Ратмирского... Елизавета решилась бы и поехала бы в Заполье.

2. О чем задумалась девчина

«Осень» (отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум.

Г. Р. Державин.

Заглавие и эпиграф стихотворения А. С. Пушкина «Осень» (отрывок).

За последние полгода Елизавета приобрела некоторую особенную опытность в жизни и почувствовала это. Она повзрослела за это время не на полгода, а на несколько лет, перейдя границу, отделявшую неосмысленное, беззаботное и оттого счастливое детство и даже мечтательную юность от взрослости.

Она ясно поняла, что никто не устроит ее жизнь. Ни папенька – его уже нет на белом свете, да и если бы он был, то вряд ли за своей жизнью он уделил бы ей внимание. Правда, папенька никогда не скупился, и дал бы за ней приличное приданое, а это хоть как-то определило бы ее судьбу, хотя неизвестно еще, как – удачно или нет. Ни маменька, с ее воспоминаниями о возвышенной любви, с ее старыми «правилами жизни», с ее аккуратной и достойной бедностью, одной деревенькой и четырьмя дочерьми на выданье.

Жизнь старшей сестры Натальи устроилась через Смольный институт и графиню Вельскую. Ей не так уж сладко при капризной старухе – попробуй еще во всем угодить этой графине. Ну да так сложилась ее будущность, и тем не менее все-таки, считай, сложилась.

У сестры Катерины есть ее Аглаев. Он беден. И как, видимо правильно, говорит маменька, непутев. Но они любят друг друга и в этом их будущность, а другого они и не хотят.

У Софии есть ее ум. И невозможно, чтобы, имея такой ум, она рано или поздно не устроила бы свою жизнь. Может быть, ей посодействует их брат Алексей. Почему-то, в отличие от маменьки, Елизавета не надеялась, что, получив по совершеннолетию наследство, Алексей обеспечит сестер.

Ей казалось, что брат, хотя и родной, но выросший и воспитанный в чужом доме, довольно холодный и рассудочный молодой человек, не отяготится заботами о сестрах и воспримет необходимость хлопот о них как ненужную обузу.

Но – так представлялось Елизавете – Алексей обязательно оценит необычайный ум Софьи и потом, из уважения к ее уму, введет сестру в свой круг, определенный его положением человека с состоянием. И конечно же, в этом кругу не смогут не заметить Софью – и каким-то образом жизнь ее и устроится.

Понятно, будущность соседки, считавшейся ее подругой Глафиры Сандаковой, обеспечена хорошим приданым и богатством Сандаковых.

О будущности ангела Поленьки, любимой и обожаемой племянницы суровой Старухи, княгини Тверской, нечего и говорить. Ей и несметные богатства, и Александр Нелимов как подарок в кулке на Рождество или на именины.

Оленька Зубкова... Оленька устроит свою жизнь, кто бы сомневался. У Оленьки есть и ее красота, и непозволительная смелость. Она добьется, она завоюет свою будущность, как и ее мать, о которой рассказывали самые невероятные истории.

Сирота, из жалости воспитанная в доме дальнего родственника, она отбила у дочери своего благодетеля жениха, ставшего потом одним из ее ли трех, то ли четырех мужей. Говорят, она забралась к нему в комнату ночью – накануне его венчания, по лестнице на второй этаж, через окно... Под предлогом необходимости разъяснить молодому человеку, что нельзя поступать вопреки велению своего сердца – ведь он совсем даже не питал никаких искренних

чувств к невесте, с которой собирался пойти под венец. И ее соперница так и не дождалась своего жениха...

Дочь такой девицы тоже, разумеется, ничего не упустит в своей жизни. Ну да что гадать об Оленьке... Она вдруг сделалась богата и весь мир теперь у ее ног. И не нужно по лестнице ночью в окно второго этажа – это же надо отважиться! И Оленька тоже могла бы...

А вот будущность ее, Елизаветы, не устроит никто. У нее нет ни такого ума, как у Софьи, ни... Хотя, что касается красоты... Красотою она могла бы не уступить и Оленьке... Она прекрасно сложена, у нее легкая походка, безупречные черты лица...

У нее, правда, нет той смелости взгляда, того горделивого вызова в каждом жесте и шаге, которые привлекают к красоте, иногда даже и не совсем совершенной, внимание мужчин. Но этого не достичь ни упражнениями перед зеркалом, ни самовнушением. Это дается по рождению, как Оленьке...

Свою будущность Елизавета могла устроить только сама. И она попробовала. И у нее получилось. Партия с князем Ратмирским здесь, в их глуши, это немало. Конечно, явись она на ярмарке невест в Москве... И еще неизвестно, как могло все сложиться... Да, она не Оленька, но не всем нужна ее, Оленьки, смелость и горделивость...

Но маменька никогда бы не вывезла ее на ярмарку невест. По ее убеждениям старых лет, порядочная девушка должна ждать жениха сидя дома, и он явится, как к ней самой однажды вдруг явился папенька. Хотя еще неизвестно, явился ли бы папенька, прокутив свое невесть какое состояние, в Надеждино, не будь за маменькой двух деревень, по тем временам вполне достаточных для жизни в Тверской губернии, вдали от столиц.

У Оленьки хватило решимости поехать в Москву самой.

Маменька Елизаветы не смогла бы вывезти ее даже просто потому, что на это тоже нужны деньги, и она не рискнула бы потратить то, что считала последним, в надежде на успех дочери.

А вот Оленька поехала без гроша, и хотя ничего не добила, но приобрела опытность... Впрочем, это для нее все в прошлом и не имеет никакого значения – она богата. Богата, и может теперь позволить себе все, что душе угодно...

Елизавета взяла письмо, доставленное с курьером, и еще раз пробежала глазами по строкам: «Да, я теперь богата, обеспечена, свободна и могу позволить себе многие прихоти». Конечно. И не только прихоти: «...Платья, мебели и чудесные сладкие груши из Франции, кареты и лошади из Англии...»

Не только прихоти, можно и приехать на помолвку Александра, и даже Старуха, княгиня Тверская, не вышвырнет тебя вон, как некогда. «...Ты не представляешь, как приятно и интересно быть богатой. Весь мир к твоим услугам...» Ну почему же не представляю... Очень даже легко представить...

«Но старую дружбу я ценю еще более, чем прежде...» Как же, не напиши она, Елизавета, письмо, не напomini о себе, не увяжи все с Александром, дождаться ли от тебя когда-либо послания, да еще с курьером...

«Я прекрасно помню и нашу бедную юность, и наши наивные мечтания, и стесненность в самых крайних мелочах, как помню и твою душевную преданность и участие, когда все подружки стали делать вид, будто не знакомы со мной, стоило Старухе цыкнуть на меня». Да, она не отвернулась тогда от Оленьки и не прервала отношения с ней, правда, не из преданности, а просто потому, что не входила в ближний круг Оленьки, а уж тем более Старухи, княгини Тверской.

И маменька не одобряла ее дружбу с Оленькой, но почти ничего не говорила об этом, потому что сама никогда не заискивала перед Старухой и даже про себя чинилась с нею. Да, Старуха, княгиня Тверская, богата, владычица округи, но ей, Марии Алексеевне Холмской, что за дело до того, она сама из старинных дворян, в девичестве Бартенева, фамилия известная, по

мужу Холмская, тоже не из захудалых, и потом она – без всякого сомнения – первая красавица уезда, и ни у кого не повернется язык оспорить это.

Конечно, ей, Елизавете, нужно поддержать отношения с Оленькой. И не равняться с нею, хотя она, Елизавета, вот-вот и княгиня... С Оленькой не поравняться и раньше, а уж теперь...

А впрочем, не так уж недосыгаема и Оленька Зубкова... Да, богата и даже очень богата... Смела... Но вряд ли ей удастся отнять Александра, увести из-под венца с Поленькой...

Конечно, у нее уже было *это* с Александром... И еще будет, без венца... Но так будет и у нее, Елизаветы, будет, она уже уверена, тот взгляд Александра и ее взгляд в ответ – это уже и есть *это*... *Это*, хотя и без всего остального... И именно в *этом* – только уже конечно и со всем остальным – и есть предназначение женщины...

Ведь все, что кроме *этого* – пустое, ненужная мишура... И только то, что сказал взгляд Александра, после которого он мог делать с ней все, что он захочет, и только в том, что он захочет, и заключается предназначение женщины... Потому-то и не побоялась мать Оленьки Зубковой, ночью, при луне, по лестнице в окно второго этажа...

Но она, Елизавета, не поедет в Заполье... По здравому рассуждению, то, что может произойти между ней и Александром, не утеряно навсегда... И рано или поздно случится, но при более удобном случае... Тем более что... Она даже не умеет скрывать последствия...

Елизавета очень смутно представляла себе последствия, но знала, что первый раз – больно и кровь на простынях. Все ее познания ограничивались тем, что она – стыдась и не расспрашивая поподробнее – узнавала из рассказов Оленьки Зубковой, ей-то все объясняла ее горничная, да еще из деревенских сплетен о замужестве девок, «порушивших свое сокровище» до венца, и чего им стоили чистые наутро после брачной ночи, без следов крови, простыни.

Да, конечно же, она не поедет в Заполье... Этот взгляд Александра и ее взгляд в ответ – как это она вдруг решила так ответить ему? Откуда это вдруг взялось совершенно не по ее воле? Как она осмелилась? Ведь вроде никогда не отличалась смелостью... Может это у нее от папеньки, он ведь известен и отважностью на войне, и на дуэлях...

И потом... Ведь была у папеньки та французская актриса, за нее еще маменьке пришлось заплатить огромные долги, чтобы не поднялся шум из-за всей той истории...

Ни маменька, ни Катерина, ни Софья, ни Глафира Сандакова не сумели бы так ответить на взгляд Александра... Оленька Зубкова – та смогла бы... Да и, конечно, уже отвечала Александру таким взглядом, и не только взглядом... А может, и не только Александру...

Все это ее невероятное богатство, как будто с неба вдруг упавшее... Наследство дальней тетушки – слишком простое, хотя и правдоподобное объяснение... Но когда у девушки, у красивой женщины вдруг появляется такое богатство, обычно не сердобольная тетушка стоит за всем этим...

Нет, она все-таки не поедет в Заполье... Ее девственность – одно из условий, само собой разумеющееся, того, что должно устроиться с князем Ратмирским... Александру это условие вовсе не нужно... И отсутствие оно ничего не исключает в будущем и не грозит неприятностями чистых простыней, как с Ратмирским после венчания, вернее, наутро после брачной ночи.

Что и как произойдет в брачную ночь, мало беспокоило Елизавету, тем более что она все-таки не едет в Заполье и ей не придется ничего скрывать. А как это произойдет – забота князя... Да, будет больно... Крови она боялась всегда, если порезать палец... Но ведь это у всех так... И больно только первый раз...

Елизавета вспомнила, как она перепугалась крови, когда перешагнула границу, отделяющую детство, отрочество от девичества. Да, была кровь, она испугалась, чуть не до смерти... Но ведь так у всех... И она тоже привыкла... Так, наверное, и брачная ночь...

Итак, в Заполье она не поедет... А про письмо Оленьки расскажет Александру во время праздника, перед фейерверком...

Елизавета опять просмотрела послание Оленьки. Так... «Одной девкой станет меньше, одной бабой – больше... Ну да вскоре сама все испытаешь и узнаешь», – это про брачную ночь... Судя по тону, она-то уже испытала и узнала...

Так... «Передай ему, что я не полечу к нему...» Передам... Елизавету устраивала роль посредницы между Оленькой и Александром. Сначала она сама ее придумала, а теперь эту роль можно продолжить с полным основанием.

«Любви, возносящей на небеса, где единственно заключаются браки между неопытными, наивными девицами...» Это Оленька – неопытная, наивная девица? «И коварными обольстителями» – коварный обольститель это Александр, значит она, Оленька, уже побывала на тех небесах, где заключаются эти браки без венчания в церкви...

И Александр, судя по тем взглядам, которыми он с ней, Елизаветой, обменялся, такие браки заключать умеет... Оленьке, как легко догадаться, потом захотелось и в церковь... Но Александр в церковь, к венцу, пойдет с Поленькой... И тут ты, моя милая, не попляшешь, как у них на помолвке...

3. А прежде – о Катерине

*Пора бы тебе, девица,
Пора бы тебе, моя милая,
Замуж за доброго молодца.
Русская народная песня.*

Ну да ладно. Надо бы подумать о своем венчании. А прежде – о Катерине... Сладить брак сестры Елизавете хотелось ничуть не меньше, чем свой. Свой она почти устроила и ничто уже не мешало завершить начатое. Три сестры Холмских жили единой, очень тесной доверительной жизнью. И для Елизаветы счастье Катерины было ничуть не менее важно, чем устройство своего брака.

Тем более что ее собственный брак – это просто хорошая, удачная, ну и да, выгодная партия. А для Катерины это действительно ее счастье. Ведь они с Аглаевым любят... Чтобы уладить дело с выходом Катерины за Аркадия Аглаева, имелись серьезные препятствия. Впрочем, препятствие только одно – разрешение маменьки.

Маменька скажет, что Катерине рано замуж, она на год моложе Елизаветы, это так, но Катерина давно догнала ее, Елизавету, и ростом и фигурой, а хозяйским, женским навыком по обустройству дома так уже и обогнала, и тут маменька не станет долго спорить, она сама видит это. Главное то, что у жениха всего одна деревенька в сто душ, раньше как-то вроде даже и достаточная, при родителях Аркадия, а после их смерти, при молодом барине заметно пришедшая в упадок. И это маменька тоже не преминет заметить.

Это, конечно, правда, Аркадий не хозяин... Ну да что же делать, если он такой. Папенька тоже не занимался хозяйством. Но о папеньке лучше не упоминать, это только обидит маменьку, имя мужа для нее свято... А не надейся та, папенькина французская актриса долгов и не продай они московского дома, чтобы те долги заплатить, то и Катерине бы было приданое... Но об этом нельзя говорить. Да и зачем, дело прошлое...

А приданое Катерине... Наследство после смерти папеньки было оспорено по суду и отошло брату Алексею по его совершеннолетию. Вдове выделена ее вдовья, одна седьмая часть, а дочерям – их четырнадцать части. Деньги эти – по десять тысяч каждой из сестер – лежат в банке. Мать бережет их до того как придется выдавать дочерей замуж.

Десять тысяч и одна четвертая часть деревеньки – не приданое, а все же не ничего. Сколько таких бесприданниц, что, как говорят, «в одной рубашке»... Десять тысяч и часть деревеньки это все-таки не «в одной рубашке»...

Десять тысяч, которые за старшей Натальей, они, почитай, в ведении графини Вельской... А вот ее, Елизаветы, десять тысяч, если их прибавить к десяти тысячам Катерины, это уже двадцать тысяч... И Софья могла бы отдать свои десять тысяч... Елизавете казалось, что Софья согласится – как и Елизавета – отдать свою часть и денег и деревеньки. Тогда за Катериной было бы тридцать тысяч и вся деревенька.

Деревенька, разумеется, после смерти маменьки... А пока маменьку тоже нельзя оставлять ни с чем. Поэтому с деревеньки они с Катериной имели бы по половине... Итак, тридцать тысяч и полдеревеньки... Это уже лучше...

Беда только в том, что тридцать тысяч не обеспечат сестру с таким мужем, как Аглаев. Если бы эти тридцать тысяч в руки Протасову, он прикупил бы на них деревеньку, посеял свои овсы и по осени хвастался бы капиталом...

Аглаев так не сможет... Ну да что теперь делать, если он такой... Аглаеву нужно служить по статской службе... Об этом и маменька скажет... Тогда с жалованьем, имея полторы дере-

веньки, они с Катериной и прожили бы... Но служить по статской – это еще нужно место, а без родственников, без связей да покровителей как его, это место, получить...

У князя Ратмирского такие связи в Москве есть... Елизавета уже говорила с князем – и об отказе от своей части деревеньки в пользу Катерины, и о содействии Аглаеву найти место.

Разговор возник сам собой, когда они обсуждали хлопоты, связанные с венчанием, и решили свадьбу заменить праздником. Князь согласился не претендовать на четвертую часть деревеньки, причитающуюся Елизавете. Но когда она заговорила о помощи Аглаеву, вдруг стал холоден.

Это удивило Елизавету. Она помнила разговоры о том, что Ратмирский будто бы скуп. Мать его действительно славилась скупостью, это знали все... Однако похлопотать о месте это ведь ничего не стоит... Но князь сказал, что не в его правилах просить за человека, качества которого ему неизвестны и который ко всему еще пишет стихи.

Правда, увидев, как его слова сбили с настроения Елизавету, князь добавил, что когда узнает Аглаева поближе и убедится, что этот юноша человек порядочный и достойный, то, возможно, к этому вопросу можно вернуться. Елизавета, в первое мгновение не сумевшая скрыть разочарования от отказа, сразу взяла себя в руки и заговорила о другом, но в глубине души была очень сильно задета.

Князь как бы ставил под сомнение порядочность и достоинство Аркадия Аглаева. Да, Аглаев писал стихи, и, как она слышала, не очень хорошие, зато часто очень милые и с мифологическими героями. Да, Аглаев не приспособлен к жизни, он не умеет вести хозяйство. Ну да что же делать, если он такой.

И отец его прослужил в армии двадцать лет, а так и остался поручиком, как и папенька, только папенька ушел в отставку по второму году службы, а прослужил папенька двадцать лет, он стал бы не меньше как генералом, в том нет никакого сомнения...

С Аглаевым они были большими друзьями, папенька даже вызволил его, когда Аглаев попал в плен к горцам. Хотя перед этим они хотели стреляться на дуэли... Но потом, к счастью, помирились, ведь папенька хоть и вспыльчив, но отходчив. И папеньку с маменькой познакомил как раз Аглаев...

Аркадий Аглаев был частью мира, сложившегося вокруг семьи Холмских. Он даже жил у них каждую зиму, когда Холмские еще имели свой дом в Москве. И чувства его к Катерине, можно сказать, с самых детских лет...

У Аглаева много всяких недостатков, но нельзя же усомниться в том, что он порядочный и достойный человек, только потому, что у него всего одна деревенька, и потому, что он пишет эти свои стихи. И Катерина точно так считает. И даже Софья.

4. Умная Софьюшка

Ума – палата.

Русское народное присловье.

Надо прежде всего поговорить с Софьей. В семье Холмских считалось, что Софья обладает особым умом. То, что она умна, подтверждалось не однажды еще чуть ли не с пеленок.

Когда ум ее стал уже притчею во языцах, то кормилица (она же и няня, жившая в семье Холмских на положении члена семейства, потому как хотя и крепостная, но была доверенной и преданной фавориткой прабабушки, той самой, которая из боярского рода) утверждала, что даже грудь Софья сосала умнее, чем ее сестры. Потом стали вспоминать и другие черты из ее младенчества, и во всем находили проявление ума.

Рассказывали, что по весне и осенью, когда детей водили гулять, Софьюшка никогда не промочит ноги. Вернутся с прогулки – у всех башмаки испачканы в грязи, а у Софьи – чистенькие.

Казалось бы корь – все дети переболели, а Софья – нет. Когда папенька ездил в Тверь или в Москву и привозил конфеты, сестры и братец свои съедали в один день, а у Софьи оказывалось припрятано и до первого праздника.

Старая нянюшка присматривала за детьми, как квоктуха за цыплятами, держала их при себе, поучая на каждом шагу. Только сестры и братец старуху не слушались, отвлекаясь на свои игры, а Софьюшка послушает, а потом еще и переспросит. И никогда не забудет. А когда надо – вспомнит.

Няня рассказывала им перед сном сказки и Софья часто делала замечания. Сжег Иван-царевич лягушечью кожу своей жены, царевны-лягушки, Василисы Премудрой, и через то произошло много бед. А почему же царевна-лягушка, Василиса Премудрая кожу лягушечью без присмотра оставила? Нужно бы спрятать ее, чтобы никто не нашел, а еще лучше держать при себе, в потайном кармашке. Тогда бы Ивану-царевичу ее и не сжечь, и беды бы не случилось...

Но все это вспоминали потом. Обнаружили же ум Софьи, когда пришлось продавать одну из деревенок их имения. Надеждино первоначально состояло из двух деревенок. Одна, собственно Надеждино, или, как его иногда называли, Большое Надеждино, с барской усадьбой при нем и церковью. Вторая – Малое Надеждино, в десяти верстах, поменьше и на неудобных землях, изрытых оврагами, в которых водилось множество лис.

Кроме этих оврагов в округе было много неудобий – пустошей, заросших кустарником. Еще до того, как Холмский получил наследство от дядюшки и семейство переехало в Москву, у него случились кое-какие долги и нужда в деньгах по хозяйским делам и он уговорил жену продать Малое Надеждино.

От него и доход невелик, оно и от усадьбы далековато, да и деньги нужны. Будь жива прабабушка, она бы не позволила продавать. Но прабабушка года два перед тем умерла. Нянюшка тоже была против продажи, но нянюшку, хотя она и сидела вместе с барями за обеденным столом, папенька с маменькой слушать не стали, не взяв во внимание то, что нянюшка свое мнение подкрепляла именем и мнением старой барыни.

Правда, продать Малое Надеждино оказалось не так просто. Само по себе оно, как имение, никуда не годилось. С одной стороны деревенька граничила с землями княгини Ратмирской, а с другой – с землями Сандаковых, и кто-нибудь из них мог бы за небольшую цену польститься округлить свои владения.

Первой вызвалась купить Малое Надеждино княгиня Ратмирская. Она приехала со своим любимцем, управляющим Стародубцевым, и осмотрела угоды. За чаем у Холмских старая

княгиня спросила мнение управляющего и тот уклончиво ответил, что если свести на заброшенных землях кустарники и посадить на их месте лес, как это делают немцы, овраги сровнять, а крестьян привести к порядку, то Малое Надеждино можно и купить, учитывая то, что цену хозяин просит небольшую.

Княгиня уехала и пообещала дать ответ через неделю. Холмскому очень хотелось поскорее получить деньги и он решил, что дело слажено, деревня продана, о чем и сказал наутро за завтраком.

И тут Софья – ей тогда шел всего десятый годок – вдруг вмешалась в разговор взрослых и заявила, что старая княгиня Малое Надеждино покупать не станет.

– Это почему же? – удивился Холмский.

– Она скупая, – сказала Софьюшка.

О скупости княгини Ратмирской за глаза поговаривали все, но откуда это известно ребенку?

– Почему же ты так думаешь? – спросил папенька.

– А она, когда пила чай, за каждой чашкой брала лишний кусочек сахара, а все, что оставалось, клала в рукав.

– Как в рукав?

– В рукав. И прятала за подкладкой.

– Однако ты выдумщица!

– Я не выдумщица. Я видела.

Софье не поверили, посмеялись над ее детской фантазией. А спустя неделю к Холмским заехал управляющий княгини, Стародубцев, и передал, что Ратмирская деревню не покупает.

Конечно, если свести все кустарники и посадить лес... А овраги засыпать и сровнять... Но работы много, мужиков заставить работать хлопотно, а посаженный лес растет не скоро. Выгоден тот лес, который вырос сам лет за пятьдесят – сто до того, как его пустить в дело...

И хотя Софья оказалась права, внимание тогда на это пока не обратили.

Почти сразу же случился другой покупатель, князь Засекин. Он имел много владений, разбросанных по всей России. С папенькой князь познакомился еще в армии, случайно, и при встречах каждый раз спрашивал, не из князей ли Холмских тот происходит.

Папенька несколько раз настойчиво растолковывал князю, что дворяне Холмские не имеют отношения к княжескому роду Холмских, давно, кстати, угасшему, хотя и очень знаменитому в Тверской губернии как отрасль князей Тверских. Засекин не держал этого в памяти и постоянно задавал свой вопрос.

Папенька даже, имея иронию, нарочно предворял его своим вопросом: «Не изволите ли, ваше сиятельство, поинтересоваться, не из князей ли Холмских я происхожу?» – на что барски простодушный Засекин всегда тут же искренне вопрошал: «Ах, в самом деле, не из тех ли вы князей Холмских, что из ветви Тверских?» – и папенька опять повторял свое объяснение, о чем потом всегда весело рассказывал в кругу семьи.

Князь Засекин считал себя большим англоманом и очень любил охоту на лис, в России охотниками особо не почитаемую. Однажды Холмский, встретив в Твери князя, разговорился с ним об охоте и пригласил его к себе поохотиться, уверяя, что в его угодьях за один день можно добыть самое малое десяток рыжих красавиц.

Князь не верил, что такое возможно, но на охоту приехал. Результат его поразил – их добычей действительно стали двенадцать прекрасных огненно-красных лисиц: их в оврагах и на кустарниковых пустошах вокруг Малого Надеждино всегда обитало превеликое количество.

За обедом у Холмских, узнав, что хозяин продает Малое Надеждино, князь попросил уступить деревню ему. Тем более что в Тверской губернии у него есть небольшое имение, куда он раньше очень редко заглядывал, но, купив Малое Надеждино, он теперь каждую осень,

когда лисица выкунивает и выходит мышковать, будет приезжать охотиться только в Малое Надеждино.

Князь назвал сумму, Холмский не стал торговаться, потому что у княгини Ратмирской он просил вдвое меньше. Довольные друг другом покупатель и продавец ударили по рукам. Князь уехал, пообещав через неделю прислать своего поверенного для заключения купчей.

Прощаясь, Засекин взял с Холмского слово ни при каких обстоятельствах никому не отдавать Малое Надеждино. А в том случае, если кто-то предложит большую цену, уведомить его и князь тут же, оставив все дела, приедет и выторгует деревню с ее лисьими угольями, какие и не снились даже самым знатным английским лордам, большим любителям и знатокам охоты на лис.

Холмского несказанно обрадовал такой поворот дел. Вот как, оказывается, ему повезло, что старая скопидомка княгиня Ратмирская отказалась от покупки.

Софья опять высказала свое мнение. По ее словам, князь Засекин не купит деревню.

– Почему ты так решила, – с опаской спросил Холмский, припоминая верное предсказание дочери по поводу княгини Ратмирской.

– У этого князя нет денег, чтобы купить деревню, – ответила Софья.

– Э-э-э, глупенькая. Князь Засекин очень богат. Засекины происходят от самого великого князя Мономаха. У князя Засекина десятки имений, роскошный дом в Москве и в Санкт-Петербурге. У него иной раз обедает пол-Москвы. Князь Засекин, если захочет, может купить сто таких деревенок, как Малое Надеждино. А ты говоришь, у него нет денег. С чего ты это вдруг придумала?

– Я не придумала. Я знаю.

– Как же ты это можешь знать?

– У его камердинера камзол перелицованный...

– Это почему же?

– По отворотам видно...

Человек князя для заключения купчей не приехал ни через неделю, ни через месяц. Холмский написал князю письмо, напомнил ему о их договоренности. Но ответа не получил. Холмского очень задел этот случай. Он ведь не навязывал князю покупку, и цену князь назвал сам. Однако было дано слово. А слово нужно держать.

Холмский даже решил вызвать князя Засекина на дуэль, ибо покупка покупкою, но такое отношение к дворянину и к своему слову недопустимо. Холмский был слегка вспыльчив, хотя и быстро отходил и не отличался тяжелым характером.

Он несколько раз, можно сказать, почти дрался на дуэлях. Во время службы в армии он вызвал из-за какого-то пустяка Аглаева и помирился с ним благодаря уговорам секундантов, и они стали близкими друзьями.

Уже женившись и живя в Надеждино, он случайно, слово за слово, поссорился с помещиком Дубровским. Тем самым, сын которого потом прославился разбойником и чуть не увез Машу Троекурову: он влюбился в нее до безумия, но Машу успели выдать замуж за князя Верейского. Помнится, тогда все переживали, что ей не удалось убежать со своим возлюбленным.

Старик Дубровский был, как и папенька, очень вспыльчив. Примирения так и не состоялось. Но на поединке, у барьера, оба выстрелили в воздух и разъехались, не сказав друг другу ни слова. Лет через пять Холмский, рассказывая об этой дуэли, не смог припомнить причину ссоры.

Холмский приехал в Москву и явился к князю Засекину. Камердинер князя объявил ему, что барина нет дома. Холмский бесцеремонно схватил его за рукав.

– А ну-ка постой, голубчик! – Холмский присмотрелся к отвороту и увидел, что камзол, расшитый золотыми галунами, перелицован.

С Засекиным Холмскому встретиться не удалось. Знакомые рассказали ему, что князь в бегах от кредиторов.

Тем временем на Малое Надеждино нашелся третий покупатель. Сосед Холмских, Сандаков, тогда еще в округе человек довольно малоизвестный. Он вместе с женой осмотрел уголья, деревню, и Сандаковы по-соседски отобедали у Холмских. Холмский рассказал историю о неблагоприятном поведении князя Засекина.

Оказалось, что Сандакову известно положение князя. Недавно в Москве за четверть цены продали дом князя Засекина, он якобы хотел уплатить свои самые неотложные долги, но вместо этого, оформив купчую, исчез вместе с деньгами. Рассказывают, что князь уехал в Париж, где, как известно, без денег жить довольно неловко, хотя без денег неудобно не только в Париже, без них в Москве и Петербурге тоже несподручно, как, впрочем, и в Тверской губернии, – заключил свой рассказ Сандаков.

Что же касается покупки Малого Надеждина, то жена Сандакова заявила, что такая деревенька им не нужна, потому как она недосмотрена, а уголья тоже так себе. Сам же Сандаков сказал, что да, деревенька незавидная, но по той цене, что за нее просят, стоит подумать...

Когда Сандаковы уехали, Холмский, которому уже надоели хлопоты с продажей Малого Надеждина, посетовал, что, вот мол, покупка снова сорвалась. Но Софья, к общему удивлению домочадцев, вдруг заметила, что сосед как раз и купит их деревню.

Сандаков, хотя и жил в Тафтеевке – имении жены – уже лет десять, считался в округе человеком новым. Сложилось мнение, что свое положение он устроил женитьбой на засидевшейся в девках богатой невесте, а сам же он без состояния и потому под властью жены.

Это позже, когда Сандаков прикупил десяток деревенок и закончил постройку двухэтажного барского дома и зажил на широкую ногу, стали поговаривать, что Сандаков-то как раз человек с деньгами и нажил он их не совсем благовидным образом, чуть ли не какой-то торговлей, имея к ней отношение по службе.

Через неделю Сандаков приехал оформлять купчую на Малое Надеждино. Слова Софьи опять, ко всеобщему удивлению, подтвердились.

Ее начали спрашивать, как она догадалась о том, что Сандаков, вопреки мнению жены, купит деревню. Софья объяснила, что Сандаков держится как человек, у которого есть деньги, поэтому он и уверен в себе. Что же до его жены, то она оттого и перечит мужу, что он распоряжается деньгами, не спрашивая ее.

Такая наблюдательность десятилетнего ребенка поразила родителей. С тех пор в семье все и стали отмечать ум младшей дочери как нечто особенное.

5. О талантах французских актрис

Французская актриса, это, скажу я тебе, братец ты мой, такой пассаж...

Из разговоров между ценителями французских актрис.

Когда Холмские переехали в Москву и детям наняли гувернеров и учителей, Софья опережала сестер успехами в учебе. Относились к этому как к само собой разумеющемуся. Ведь она умна.

Сестры часто сваливали на нее выполнение уроков, заданных учителями: «Ну, Софьюшка, ты ведь умна, тебе и выполнять задание», – убеждали они младшую сестру. И Софья не кичилась своим умом, а всегда старалась услужить, как тот, кто выше ростом, помогает достать что-либо с верхней полки тем, кому до нее не дотянуться.

Маменька, особенно после смерти мужа, когда возникали трудности, часто советовалась с младшей дочерью. А нянюшка – пока была жива, – случись какой недосмотр, всегда упрекала виноватых, почему те не спросили совета у Софьюшки.

Именно благодаря уму Софьи маменька вышла, хотя и с горем пополам, из того положения, в котором она оказалась после смерти главы семейства. Наследство оспорили родственники мужа, ничего не отсудили, но и невестку на долгое время лишили возможности что-либо получить. А тут еще вдруг обнаружили огромные долги, сделанные именем Холмского той самой французской актрисой, тайной пассией супруга.

От долгов этих Холмская хотела отказаться. Это, конечно, грозило судебными тяжбами. У актрисы на руках имелись документы, подписанные Холмским. Стряпчий, ходатайствовавший в суде по делам наследства, говорил, что с этими долгами дело неверное, и можно бы отпереться, особенно если толково и тонко повести дело, как это умеет он. Но Софья посоветовала продать московский дом, заплатить долги, а самим уехать в Надеждино.

Слова ее поразили всех, как гром, хотя и не с ясного неба. Небо уже затянуло тучами, но пока еще казалось обойдется без грозы. Уезжать из Москвы, возвращаться в их бедное Надеждино никому, кроме старой няни, не хотелось.

Егорьевна – так звали няню – Москву не жаловала. А больше всего боялась, что когда она умрет, то не исполнят ее просьбу и не отвезут в Надеждино, где няня хотела лежать на погосте рядом со старой барыней (бабушкой Холмской, прабабушкой Елизаветы) – старая барыня не чета нынешним, из настоящих старых бар, при ней и на погосте надежнее, а то, неровен час, похоронят, как молодого барина (не старого обычая был барин, вертопрах), в Москве, где, что на кладбище, что на улице, все не свое и не протолкнуться среди чужих людей.

А они еще на каждом шагу так и норовят залезть к тебе в карман, и если завелась у тебя копейка, то придерживай ее каждую минуту рукой, а то вернешься домой – хватъ, а карман-то пуст. А уж коли своего ума нет, так послушайте Софьюшку, уж она-то с младенческих лет неглупенька и всегда справная да послушливая, ей два раза молвить не приходилось, во всем сметлива, до всего доходчива...

Софьюшку пришлось послушать. Дом в Москве на доходы от Надеждино не продержат, да и жить-то не на что... Слава Богу, что надоумились внять умному совету. И как права оказалась Софьюшка! В Надеждине – хотя и в бедности, да в своем углу, под своей крышей, да и хлеба – невелик кусочек, а свой.

А уж что не ввязались в тяжбу по долгам, так за то век Бога молить нужно, что не отнял на тот момент разум. Это еще Бог миловал, что так легко отделались от той французской актрисы, заплатив долги и выкупив у нее долговые поручательства, так неосторожно подписанные Холмским... Да уж об осторожности ли ему думалось, когда он их подписывал...

Софьюшка – ей тогда только четырнадцатый годок минул, совсем, можно сказать, дитя, а какая предусмотрительность...

Конечно же, дело с этими долгами скандальное. Объясняя это дочерям, Холмская говорила, что папенька покровительствовал театральным талантам этой бесстыдницы... Девочки поди уже догадывались, что это за таланты такие, которыми актрисы эти французские составляют тут у нас состояние и укатывают потом в собственных английских каретах в свой бесстыжий Париж, прости Господи... А люди-то все знают...

Не успели Холмские еще уехать из Москвы, как оказалось, что у актрисы этой в почитателях тех самых известных талантов состоял не только Холмский, но и князь Крапоткин. И его она своими талантами не замедлила свести в могилу – восьмидесятилетний поклонник театральных искусств, казавшийся на вид бодрым и деятельным, стал то и дело падать в обмороки – уж не от восторгов ли от проникновенных монологов, с подмостков сцены произносимых, – и умер от сердечного приступа, в кругу своего благородного семейства.

Как потом выяснилось, он тоже в свое время все по той же неосторожности подписал долговые поручения – осторожность ведь не свойственна людям, увлекающимся изящными талантами.

Но княгиня Крапоткина, славившаяся своей надменностью, выставила вон и французскую актрису, и кредиторов. Началась судебная тяжба. Стали выясняться многие подробности, неприятные для семейства князя, зато привлекательные для любопытной публики. Тяжба потребовала денег, чуть ли не больших, чем долги, и, в конце концов, была проиграна.

Однако княгиня не смирилась и дошла до Сената. В Сенате тоже нашлись поклонники неистошимых талантов актрисы. Сама она сделалась знаменитостью. Публика валом валила на спектакли с ее участием, молодые люди засыпали блистательную служительницу Мельпомены цветами, а круг почитателей мгновенно увеличился.

Княгине же Крапоткиной пришлось уехать в одно из своих дальних имений, чтобы не оставаться предметом насмешек и нескромного любопытства. Сын ее, молодой князь Крапоткин, даже не знал, от кого ему требовать удовлетворения – насмешники злословили за глаза, не вызывая же на дуэль саму виновницу того, что произошло...

Оставшись без присмотра матери, он спустя всего полгода завел себе такую же актрису, слава Богу, что не ту самую, талантам которой поклонялся его покойный родитель... А ведь мог и ее, она всегда готова, таковы эти французские актрисы и таков ныне век...

Имя же Холмского, хотя и упоминалось вначале, но позже совсем забылось, и семейство Холмских избежало и полного разорения, и позорного скандала. Благодаря уму Софьи. И нянюшка Егоровна, выкормившая, а потом вынянчившая все молодое поколение Холмских, умерла тихо и мирно и без тревог и лежит теперь на погосте церкви в Надеждино рядом со своей старой барыней, при ней и на погосте-то хорошо и покойно, а уж какой порядок держала, когда была жива...

Да, прежде всего нужно посоветоваться с Софьей...

6. Руководство к действию

В основе всякого заговора лежит желание двух людей. Их согласие – залог успеха.

А. Дюма.

Софья сразу же согласилась с Елизаветой, что не только обрадовало, но и польстило: она, Елизавета, тоже что-то уже понимает в жизни. «Улавливая» князя Ратмирского, Елизавете не приходило в голову спросить в чем-либо совета Софьи. В отношениях с князем требовался не ум, а совсем другое – женская, чуткая интуиция. А в деле семейного устройства Софья с ее умом оставалась для Елизаветы неоспоримым авторитетом.

Да, в сложившихся обстоятельствах нужно постараться сделать так, чтобы Катерина вышла за Аглаева. Лучшей партии для нее не предвидится, им и не нужно ничего иного: они так любят друг друга... А разве есть на свете что-либо важнее любви... Да, маменька против, но ее нужно переубедить...

Она, Софья, тоже откажется от своей четверти Надеждина в пользу Катерины, и от своих десяти тысяч в банке. То, что князь согласен с отказом Елизаветы от ее четверти в Надеждино, это хорошо. О ходатайстве за Аглаева по статской службе Елизавета поторопилась. Это нужно бы просить при удобном случае.

И потом князь совершенно прав. Он порекомендует Аркадия, а тот не справится с должностью, как тогда князю? И он, князь, подразумевал совсем не порядочность Аглаева, а его способности к службе, а это совсем разное. Аглаев порядочен, честен и добр, но в должности хорош не всякий честный и порядочный человек.

Что же касается десятитысячного банковского билета самой Елизаветы, то передавать его Катерине нет возможности. Почему? Ах, ну вообрази себе, какие предстоят траты! И венчание, и переезд в Трилесино. Это Катерине можно венчаться в простом платье и запросто войти в дом Аглаева – они ровня. Елизавете же нужно стараться во всем не уронить себя.

Да, она почти бесприданница. Князь не получит за ней ни денег, ни деревни. Но нельзя, чтобы кто-то мог сказать, что князь взял ее в одной рубашке. Да и маменька не позволит, с ее-то гордостью. Поэтому и платье нужно с Кузнецкого моста, и все что с собою – тоже самое лучшее.

И потом – подарки. Старой княгини нет, но слугам придется дарить и всей дворне. Это обязательно, это век помнится. Как же: новая барыня – и на свадьбе ничего не подарила? Это уж неуважение заслужишь навсегда.

И потом, по слухам, в Трилесино все негласно определяет жена управляющего Стародубцева. Она не побоялась когда-то пойти против Троекурова, у которого состояла в гувернантках, она дама с характером, от нее в Трилесино многое зависит. Ей подарок нужен дорогой и со вкусом. И дети у Стародубцевых – старшая дочь уже невестится и трое младших. Дочки, это не сыновья, всем нужно дарить.

– И потом, – сказала Софья, – мы ведь после Москвы привыкли обходиться без горничной. Тебе в замужестве так нельзя. Это неприлично.

– Но в Трилесино, наверное, есть горничная.

– Тебе нужно иметь свою горничную. В Трилесино все чужие. И как еще к тебе отнесутся. У тебя должен быть хоть один свой, тебе преданный человек, это очень важно, когда ты совсем одна и кругом все чужие.

– Взять кого-нибудь из деревни?

– Придется купить. Или нанять опытную, толковую горничную. Лучше в Москве...

Да. Это верно. Софья права. Так что тут обойдешься ли десятитысячным билетом...

А она, Елизавета, и не подумала обо всем. Ах, Боже, как хорошо, что Софья так умна.

– С маменькой нужно поговорить не откладывая, – вслух сказала Елизавета.

– Да, откладывать некуда, – согласилась Софья.

– Только знаешь, мне думается, что Катерину надобно куда-нибудь отослать, и поговорить без нее.

– Правильно. Она будет раздражать маменьку.

Катерина уже несколько раз пыталась добиться согласия матери на брак с Аглаевым, но, несмотря на ответный упрек, что Холмская сама вышла замуж в ее годах, получала неизменный отказ. Разговор всегда заканчивался безмолвными слезами.

Безмолвные девичьи и женские слезы оружие самое остроранящее. Холмская-мать чувствовала и свою неправоту, и свою какую-то вину. Катерина любит Аглаева, любима им. Что же мешает их счастью? Только необеспеченность... Какая же в этом их вина? Ну а в чем виновата она сама – в том, что у нее всего одна деревенька...

Кто же обеспечит детей, как не родители? Аглаев ведь тоже со своей одной, толком недосмотренной деревенькой. Вправе ли она, как мать, отдавать такому жениху свою дочь? Тогда уж лучше пусть остается при матери, в родном Надеждине...

Ну да как же, она влюблена... А ты подумай прежде головой... И не намекай, что, мол, маменька сама вышла за Холмского в таких же годах... Холмский – это не Аглаев. За Холмским любая из уездных барышень полетела бы на край света... И ничего, право, страшного в том, что останешься пока при матери, в свои шестнадцать-то еще только лет...

А Аглаев, если он уж так пламенно влюблен, пусть постарается обеспечить семейную жизнь, вместо того чтобы писать свои стихи. Да, одна деревенька, так пусть идет по статской службе, при хорошем жалованье можно прожить и с одной деревенькой.

Кроме этих рассуждений, Холмская, не признаваясь себе, боялась остаться без Катерины. Все три дочери, жившие при матери, обладали каждая своими особыми достоинствами. Вот Софья умна. Елизавета красива, в мать, замечательно поет и играет – и на клавишине, и на новомодных фортепьянах, и вообще, не просто так князь Ратмирский обратил на нее внимание.

Катерина же отличается хозяйственностью. Она первая помощница матери во всем, что касается приготовления припасов на зиму – солений и варенья, закупок для дома соли, сахара и чая и учета крестьянских работ. Она вникает во все мелочи: от рецептов засолки огурцов и капусты до справедливой раскладки оброка по дворам в зависимости от количества исправных работников.

Всем этим ведала, конечно же, сама Холмская, но время от времени она стала замечать, что забывает то сколько соли нужно класть в тот или иной бочонок, то что Матвей Рыбалин – глава одного из самых зажиточных крестьянских семейств – прикупил двух лошадей и ему можно прибавить урок на свозе сена после косьбы, и ей приходится обращаться к средней дочери, а она-то как раз ничего не забывает.

Упустив или запямятовав что-либо из обязательных дел по хозяйству, Холмская, спохватившись вдруг, видела, что дело это не упущено и сделано или делается под присмотром Катерины. А ключница и приказчик давно уже докладывали обо всем не только старой барыне, но и молодой барышне.

А когда возникали споры, то не старались переубедить барыню, а молча соглашались, но потом шли к Катерине и потихоньку делали так, как велела она.

То, что Катерина становилась второй хозяйкой в Надеждине, как бы даже радовало старую Холмскую, но одновременно, невольно, непонятно почему, раздражало. Не так уж еще и стара Холмская, а вот дочери уже совсем не дети, их жизнь идет своей дорогой, а жизнь матери не поспевает за ними.

И то, что Катерина, по-видимому, все-таки уедет из Надеждина в Палеевку, где и будет вести свое, аглаевское хозяйство, даже как-то неосознанно пугало, Холмская словно боялась

остаться одна, без помощи Катерины, ведь помощь эта всегда оказывалась к месту и требовалась на каждом шагу.

Но главное, конечно же, не это... Уж больно несмышлен жених... Хотя он и мил, и добр, и хорош... Но все-таки не обеспечен... Да и Катерина ведь совсем еще молода...

– И вот что, Софьюшка, – сказала сестре Елизавета, – мне кажется, нужно придумать что-то такое, чтобы убедить маменьку...

– Что же?

– Ну, может сказать ей, будто Аглаев приготовился увезти Катерину, чтобы обвенчаться с нею... Так уж лучше...

– Маменька не поверит. Разве Аглаев похож на гусара?

– Но он ведь влюблен...

– А куда же он увезет ее – его Палеевка рядом, в двух верстах. И где им венчаться? Все равно ведь в нашей надеждинской церкви. Нет, маменька в такое не поверит.

– Не поверит... Но нужно что-то придумать...

– Я подумаю. Может, что и придет в голову, как убедить...

– Софьюшка, ты уж подумай. Сама видишь, как очень нужно...

– Поговорим без Катерины... И начинай первая ты. Только про то, что они безумно любят друг друга, ни слова. И про то, как маменька шла за папеньку, а у него ничего не было – тоже не говори.

– О чем же мне говорить?

– О том, что мы отказываемся от своей доли в Надеждине. И о том, что твой князь в будущем похлопочет для Аглаева о месте по статской службе. А потом я... Я что-нибудь придумаю...

– Ох, Софьюшка, придумай!

7. Приметы деревенской жизни

*В багрец и золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыхание.*

А. С. Пушкин.

*Обычай – сильнее закона.
Сенека.*

Случай поговорить с матерью представился спустя несколько дней после того, как Елизавета и Софья обсудили свое намерение убедить ее дать позволение Катерине выйти замуж за Аглаева, давно добивавшегося руки соседки, хотя и робко и нерешительно и пасуя перед строгостью маменьки своей избранницы, но все-таки неотступно, не видя в жизни другой цели, кроме как вдохновенного служения предмету своей любви.

Осень уже готовилась к встрече с зимой, как вдруг пошли поздние осенние грибы – зеленки: у них пластинчатые шляпки, сверху серые, черные или даже фиолетовые, а снизу – зеленые. Такое случалось раз в три-четыре года, обычно когда не удавался грибной урожай. Летом зеленки попадаются редко и никакого интереса не представляют, ничем особенным не отличаясь ни в супе, ни на сковороде.

Но иногда, перед самой зимой, когда легкий морозец по утрам уже чуть-чуть схватывает землю слабой, ломкой под ногами корочкой, зеленки вдруг разом высыпают по опушкам, в молодом ельнике и по сосняку, почти сплошным ковром покрывая небольшие полянки, усыпанные старыми желтыми иглами хвои и сухими листьями.

Вот тогда их собирают корзинами, моют, очищают шляпки от налипшей сверху иголки и палой листвы, слоями складывают в кадучки, перестилают листьями смородины, пересыпают солью, без всякого рассола, и, придавив камнем потяжелее, ставят в погреб.

Приготовленные таким способом зеленки не уступают вкусом ни груздям, ни даже боровам, а если чему и уступят, то только рыжикам, да и то найдутся ценители, почитающие зеленки первее и рыжиков.

А уж когда листодем-октябрем пошли зеленки, наготовить их можно на всю зиму, при одном единственном условии: не ленись, да не бойся, что замерзнут босые ноги – это с утра только подмораживает, а чуть пригреет неяркое солнышко, и земля помягче, и не так зябко ногам.

Надеждинский лес – нестройной, непродажный, разнолесье – занимал треть угодий Холмских и кормил крестьян и барскую усадьбу. В нем были и густые, непролазные ельники, то и дело попадались дубы, царственно стоящие посередине полян, заросли орешника, сосновые боры с деревьями, пригодными на постройку крестьянских изб, березняки, зелено-солнечные летом и сахарно-белые зимой.

Спокон веку, со времен прабабушки Елизаветы Холмской, надеждинцы исправно трудились в лесу: заготавливали дрова, хворост, зимой охотились на зайцев, куропаток и лис, летом крошнями носили грибы, ягоды – землянику и чернику, малину (очень хороши были в Надеждинском лесу малинники, причем медведей в нем никогда не видели, а волки появлялись только зимой), а осенью собирали столько орехов, что даже пробовали возить их на продажу.

Из ягод в барской усадьбе варили варенье, крестьяне ягоды сушили, и надеждинские кисели на землянике славились на всю округу, хотя секрет их приготовления они не скрывали – нужно, не жалея, сыпать больше сушеных ягод, кажется, чего проще, когда этих сушеных ягод

полно в запечке. А когда в запечке пусто и только бегают недовольные черные да рыжие тараканы, сладкого киселя не сварить.

Крестьяне всей округи запасались по лесам и ягодами и грибами, но делали это с лентой. Надеждинцы же и по своему почину, и по строгости барыни выбирали из леса все дочиста. И когда случались поздние осенние грибы зеленки – их ведь не искать-собирать, их хоть косою коси, – ходили и в соседний Малый Тафтеевский лес Сандаковых, почти примыкавший к Надеждинскому.

Истари так завелось, что барин разрешал соседям собирать в своем лесу ягоды и грибы и хворост. Порубки же строго запрещались, да и надеждинцы вели себя аккуратно, за порубку в чужом лесу никого из них еще ни разу не поймали. Но в отличие от барина, сандаковские крестьяне не любили, когда соседи являлись в их лес, и иногда случались драки, особенно между молодыми девками.

Дело в том, что тафтеевские крестьяне, как и жители всей округи, считались местным коренным населением. А надеждинцев переселили в эти края лет двести тому назад. Кто, почему и откуда – теперь уже никто не помнил. Избы в Надеждине крыли совсем не так, как в окрестных деревнях, срезали верхние углы крыши козырьками, а у чердачного окошка прилаживали нечто напоминавшее балкончик, как будто для птиц, что вызывало насмешки туземных поселян.

Женщины в Надеждине отличались смелостью и крутым нравом. По слухам, они иногда поколачивали своих мужей, тогда как в окрестных деревнях дело обстояло ровно наоборот. Мужики в Надеждине велись тихие и смирные и во всем послушные женам, и бабы из местных жителей попрекали надеждинских баб тем, что те не по чину верховодят у себя в доме и позорят тем самым своих мужиков.

Одевались надеждинские крестьяне так же, как и местные. Но в costume молодых девок имелось одно существенное отличие, и оно давно стало поводом к пересудам, насмешкам, а иной раз и стычкам.

И надеждинские и местные девки носили летом касталан из выбеленного льна – некое подобие короткого, чуть ниже колена, сарафана, из-под которого виден расшитый подол рубахи или юбки. Горловина касталана – прямоугольная, с прямым нагрудным разрезом – обрамлялась вышивкой или обшивалась красной лентой. Но у надеждинских девок касталан имел еще узкий красный, пришитый пояс, а спереди на пояске висел маленький, в две ладони величиной, тоже обшитый красной лентой, передничек.

Этот передничек и не давал покоя местным, туземным жителям. Им казалось, что он совершенно ни к чему и только портит касталан. Мало того, рассказывали, что княгиня Тверская, в бытность старой барыни – имела в виду прабабушка Елизаветы Холмской – увидев надеждинских девок в касталанах с передничками, посоветовала переднички эти снять, а старая барыня ответила, что не княгиня Тверская их придумала, не ей и снимать.

Ходили слухи, что если у надеждинской девки поднять этот маленький передничек, то она, при всем своем крутом нраве, становится послушной, как овца, и дает лишить себя девства совершенно не сопротивляясь. Говорили, что одноглазый Трофим, кучер Сандакова, в молодости таким образом и лишился глаза, попробовав проверить, действительно ли это так.

Поднять передничек кучеру не удалось, а вот глаз ему надеждинская девка выбила. Надеждинские девки, все как на подбор были рослые, в хорошем теле и крепки на руку. У себя в деревне и в своих угодьях они никого не боялись и слушались только барыню, и даже на Холмского, барина пришлого, поглядывали свысока и жаловали только в угоду своей госпоже.

Не на своей территории надеждинские девки держались осмотрительно, ходили гуртом, но тоже ни перед кем не трусили, потому что, в случае надобности, могли достать любого обидчика: церковь на окрестные деревни имела только одна и находилась в Надеждине, и

построила ее их барыня – прабабушка Елизаветы Холмской – и всем местным жителям так или иначе приходилось являться в Надеждино.

Руководил постройкой церкви надеждинский плотник. Обычно саму церковь ставят четырехугольную, наверху – круглый небольшой барабан, на нем головку-луковку. Он же срубил шестиугольную основу, барабан не круглый, а четырехугольный, большой, а луковку – как обычно, сверху. Церковь получилась вместительной и пение в ней звучало особенно, звучно.

Согласно легенде, плотник, закончив работу, забросил свой топор в реку. Это конечно же выдумка. От надеждинской церкви до реки Протвы, на удивление обильной рыбой, особенно десятифунтовыми красавцами язями, почти полверсты.

Никто не стал бы задираться с надеждинскими девками в их Надеждинском лесу. Но когда они являлись за зеленками в Малый Тафтеевский лес, то, в случае чего, спуску им не давали, они тоже умели постоять за себя, дело и доходило до драки. Поэтому вместе с ними раньше ездила барыня, а теперь Катерина.

В присутствии барыни все вели себя смирно. Делить на самом деле Малый Тафтеевский лес нужды не было, выбрать в нем до настоящих заморозков или до снега зеленки не представлялось возможным.

8. Ну да что же делать, если он таков?

*Там жил-был парень Андрешка,
Полюбил Андрешка Парашку.*

Русская народная песня.

Когда с утра Катерина вместе со старостой уехали в коляске из Надеждино, Елизавета и Софья подсели к матери. По их смущенно-решительному виду Холмская поняла, что предстоит серьезный разговор и сразу же встревожилась.

Она втайне, про себя считала дни до венчания Елизаветы и каждый вечер молилась, чтобы ничего не случилось. Скрывая испуг, мать вопросительно взглянула на дочерей.

– Маменька, – начала Елизавета, – мы решились поговорить с вами... О Катерине...

У Холмской отлегло от сердца. Она боялась какой-нибудь неожиданности, связанной с венчанием Елизаветы.

– Так это она вас нарядила ходатайствовать? – строго спросила Холмская.

Она сразу же успокоилась. Сейчас начнутся охи и ахи о страданиях двух нежно влюбленных, мечтающих о райском блаженстве и не задумывающихся о том, как прожить от лета до весны. Летом им только и нужно, что букетик скромных луговых цветов, а весной для них главное – дожждаться первых подснежников да соловьев.

А как же холодной зимой, когда снег покроет землю и цветов нигде не сыскать, и соловушки не поют, так как улетели от бескормицы и суровых выюг в теплые края? И что кушать влюбленным? Ах, маменька, перестаньте! О каких глупостях вы говорите. Если любишь, достаточно и куска хлеба с ключевой водою.

Хорошо. Положим, в ключевой воде недостатка нет. А вот где взять кусок хлеба? Его ведь нужно посеять, убрать, зерно смолоть, а потом еще и испечь. Найдет ли Аркадий Аглаев за писанием своих стихов время присмотреть за мужиками, которым положено заниматься всем этим?

– Ну что вы, маменька, – с легким укором в голосе ответила Елизавета, – мы с Софьей потому и решились говорить без Катерины, что она ослеплена любовью и не видит доводов. Надобно ей помочь. Моя судьба вот устроилась...

– Лиза, придержи язык. Дурак болтает, а черт слушает. Я ночами уснуть не могу, молюсь, чтобы, не дай Бог, что не случилось до венчания. Сплюнь три раза.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – Елизавета послушно, торопливо сплюнула через левое плечо, за которым обычно тихонько сидит или сам черт, или его подручный, маленький озорной чертенок, но сразу же продолжила, увещавательно и рассудительно, – маменька, нам нужно устроить Катерину. А лучшей партии, чем Аглаев, ей не сыскать. Ну подумайте сами, кто? А ожидать, что вдруг кто-то появится... Не так она настроена... Ведь на самом же деле они любят друг друга.

– Любят. Знаю. А жить им на что?

– Но есть же у него деревенька... Жили же с нее Аглаевы.

– Есть. Так за ней смотреть нужно, а не вирши сочинять. Аглаевы жили, по тем временам все вдвое дешевле, что ни возьми. Старый Аглаев тоже не хозяином родился. А прожил. Потому что без всяких этих мыслей в голове. Жил себе как извека заведено. Деревенька-то их – вон как захирела. А все от большого ума Аркадия. Не умеешь хозяйствовать, так уж и не берись. А уж коли так умен, что и старших учить вздумал, уж коли хочешь жениться – наперед подумай, как семейство обеспечить. Вы, доченьки, думаете легко матери отдавать вас в

неизвестность? Я вот тебя, Лиза, отдаю князю, а у самой душа не на месте. За Ратмирским впроголодь жить не станешь. Да как к нему еще приноровиться, с его-то характером. Уж, что грех – молюсь, знаю, что грех, а благодарю Бога, что забрал-то к себе старуху Ратмирскую, ей, правда, и сроки давно вышли, больше девяноста годков, по нынешним временам-то немало... А доживи старая княгиня, с такой свекровью как бы тебе ладить...

«Ну, при старой княгине князь Ратмирский вряд ли осмелился бы сделать мне предложение», – подумала Елизавета, а вслух сказала.

– Да, маменька, Аркадий хозяйствовать не умеет. Ну да что же делать, если он таков?

9. О взглядах на сельское хозяйство Аркадия Аглаева и Марка порция Катона Старшего

*Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барицны старинной
Оброком легким заменил;*

А. С. Пушкин.

Аркадий Аглаев вернулся в имение сразу после того, как умер отец, закончив два курса в университете и прослужив полгода чиновником по десятому классу. Мать его последовала за супругом спустя всего три месяца. И молодой барин, оставшись один, решил стать образцовым хозяином.

Для этого он перво-наперво взялся за перевод книги «О сельском хозяйстве» Марка Порция Катона Старшего, знаменитого своим навязчивым желанием разрушить Карфаген. Сочинение это, как известно, содержит бесценные сведения о полевых работах, выделке вина и оливок, а также об обустройстве имения.

Но крестьяне невнимательно слушали главы, переведенные их барином, и даже засыпали, когда он читал им сочинение, которое (вместе с трактатом Марка Терентия Варрона того же названия) на протяжении многих веков являлось настольной книгой добрых римлян, владельцев поместий.

Такое отношение палеевских мужиков к попыткам барина наладить у себя в имении образцовое хозяйство никак не могло способствовать успеху замыслов новоявленного помещика.

К тому же, изучая труды Катона Старшего «О сельском хозяйстве», Аглаев дошел до глав с описанием содержания добрыми римлянами рабов. Согласно тексту автора, их нужно заставлять работать даже по воскресеньям и праздникам, принуждая в эти дни чинить старые канавы, мостить дороги, подрезать терновник, перекапывать сад, выпалывать сорные травы на лугах, выдергивать колючки, толочь зерно, чистить пруды, словом, делать все, что только можно, чтобы раб не имел ни минуты отдыха.

Такое отношение Катона Старшего к работникам, возделывающим землю, вызвало протест поэтической, а следовательно, вольнолюбивой души Аглаева, даже несмотря на то, что труд Катона считался образцовым пособием по ведению сельского хозяйства на протяжении многих веков. Ведь Аглаев всем сердцем любил крестьян и часто воспевал в своих стихах славных землепашцев, неторопливо шагающих за сохой и радующихся красотам полей, лугов и тенистых рощ, у которых мирно пасутся тучные стада.

Как раз в это время молодому помещику пришлось столкнуться с тем, что, как оказалось, имение его отягощено долгами и недоимками, отец его не платил их многие годы.

Здраво рассудив, что образцовое хозяйство нельзя начинать не выплатив задолженности в казну, Аглаев приложил все усилия к тому, чтобы расплатиться по всем требованиям. Это ему удалось, хотя и с большими трудностями.

Однако отсутствие долгов и недоимок, а таковые числились и за всеми его соседями (недоимки потом императрица Екатерина II Алексеевна милостиво простила по случаю своего двадцатипятилетия успешного восшествия на престол), никак не помогло наладить образцовое хозяйство, а даже, наоборот, доконало имение, доставшееся Аглаеву от батюшки, не читывав-

шего не то что Катона Старшего, но, к стыду старого поручика, даже Цицерона и, грех сказать – Горация с Вергилием.

После не имевших успеха опытов, Аглаев пришел к мысли, кстати, известной со времен тех же римлян, согласно которой поэту не нужно посвящать свои усилия делу, ему не свойственному. Отыскав это изречение в одном из собраний афоризмов Цицерона – а мнения и мысли этого выдающегося оратора и достойнейшего гражданина, несомненно, стоят внимания, – Аглаев возложил все заботы по ведению хозяйства на старосту.

Это сильно поправило дела, успешно вернув их на прежний уровень, так как староста, семидесятилетний, но крепкий еще старик, сорок лет верно служил старому барину, потому как барин тем временем находился на царевой службе, а это дело святое, и полагал, что так же верно нужно служить и барину молодому.

Староста не воровал, другим не давал, лени не терпел, характера был коварного и злого, глаза неусыпного, и Палеевка его стараниями не разорилась вконец.

10. Не получилось бы как с Арсеньевым

*И хочется и щекочется.
Русское народное присловье.*

Вопрос Елизаветы, что делать с Аглаевым, если он таков, как есть, и его не переиначить, заданный не с девичьей, а с женской безысходной логикой, нашел отклик в душе Холмской. Оно ведь и в самом деле, что придумаешь, если он, этот жених, таков...

– Ох, не знаю, – сказала она в сердцах.

– Маменька, – тут же воспользовалась Елизавета успехом своего довода, – Аркадия не изменить. Конечно, хорошо, когда бы он имел практичность. Да тут уж нужно, чтобы он прежде был хоть такой, как есть. А за именем Катерине придется самой смотреть – она ведь у нас хозяйственная.

– Она хозяйственная, – согласилась Холмская, хозяйственность дочери всегда отмечавшая как свою заслугу, – да уж как разжиться одной, да ко всему еще почитай разоренной деревенькой?

– А мы с Софьей, маменька, откажемся от своих долей в Надеждине. Пусть будут за Катериною.

– Ты теперь своею долею распоряжаешься уже вместе с князем, – напомнила Холмская.

– А я с ним обговаривала. Он согласен и даже одобрил.

– Ой ли? – недоверчиво посмотрела на дочь Холмская.

– Одобрил, – осмелев, соврала Елизавета, – что князю при его двух тысячах душ четверть нашего Надеждино. И сказал, что, мол, приятно, когда сестры дружны и заботятся одна о другой по-родственному, – опять соврала Елизавета, выдумав на ходу похвалу князя.

Холмская задумалась. В глубине души она тоже была довольна, что сестры не безразличны к судьбе Катерины. Особенно Лиза. Уж ей-то что за хлопоты. Выпорхнула из родного гнезда, да еще за князя, а вы как хотите со своими заботами. А вот ведь нет.

– И банковские билеты, маменька. И мой и Софьюшкин отдадим Катерине. И тогда за ней – тридцать тысяч... – продолжила Елизавета.

Холмская молчала, раздумывая, и наконец сказала.

– Ну, Софьюшкин билет, это посмотрим, а твой никак нельзя.

Екатерина и Софья радостно переглянулись. Слова матери означали, что внутренне она уже согласилась с тем, чтобы разрешить Катерине выйти замуж, и дело за обсуждением, как это лучше устроить.

– Вы правы, маменька, когда говорили прежде: Аркадию надобно служить по статской. Только кто ж ему доставит место? А войдет он в наше семейство, я попрошу князя. Он вполне мог бы похлопотать, – помня разговор с Софьей и то, что она не одобрила торопливую попытку попросить князя похлопотать за Аглаева, да и сам результат этой попытки, Елизавета опять соврала, ловко обратив свою маленькую неудачу в будущую возможность.

– Да, – согласилась мать, – у Ратмирского отец служил при командующем Москвы, князе Волконском. У князя, конечно же, остались связи, хоть сам он и не служит... А вот банковские билеты Аглаеву и в руки доверять не надобно. Не распорядится он ими с умом. А уж твой-то билет, Лиза... Его на венчание хватило бы...

Елизавета слегка нахмурила брови, словно не соглашаясь.

– И не говори мне ничего, – не желая слышать возражений в таком очевидном вопросе строго сказала Холмская, чувствуя невольное желание приструнить дочь, выпросившую у нее все, с чем мать вначале не соглашалась и на что теперь внутренне уже сделала уступку. – Ты венчаешься с князем Ратмирским и лишь бы в чем в церковь не пойдешь. Об этом и думать

у меня не смей. Придется посылать в Москву, к Федосье Петровне, чтобы все с Кузнецкого моста. А это сама знаешь, какие деньги. Тут другого выхода нет. И все что с собою... Чтобы не стыдно явиться в чужом-то доме... Никто не скажет, что Ратмирский взял дочь Холмской в одной рубашке. Это Катерину мы... – Холмская запнулась, наперед проговариваясь о своем согласии выдать среднюю дочь замуж, – если придется, – на всякий случай подправила она, – можем дома сами собрать, и в церковь к венцу, и к мужу в дом... – и опять добавила, – если такой случай выпадет...

Елизавета и Софья, все понимая, едва сдерживали улыбки, а Холмская строгим наставительным тоном продолжала.

– И подарки... Старой княгини нет, а то и не знали бы, что дарить. А там дворня их вся. Забудь, обойди кого – он на тебя в чужом доме век дуться будет. И жене управляющего Стародубцева тоже подарок, она там у них вместо старой княгини теперь... Вот ведь как Стародубцев. Имение прахом пустил. По молодости да по глупости. Оттого что родительского совета помнить не хотел. А как направился, при старой княгине, да при стоящей жене... Вот ежели бы так и Аглаев...

Все втроем помолчали. Елизавета, приняв вид самой покорности, про себя отметила, как почти слово в слово совпало то, что ей говорила Софья, и мнение матери – и о подготовке к венчанию, и о подарках в доме будущего мужа. Только маменька уже прожила жизнь, а Софье всего-то четырнадцать лет...

Первая не выдержала молчания Холмская. Она уже сдала свои позиции и почти во всем, что касалось замужества Катерины, согласилась с Елизаветой. Но по наивности невольно надеялась, что вдруг Софья, с ее-то умом, поддержит мнение матери.

– Ох, не знаю, не знаю, – сказала Холмская, – и так колко, и этак жжется... Уж, может, лучше сидела бы при матери... Все спокойнее... Лета-то какие, дитя еще... Да ты-то, Софья, что думаешь?

Софья, исполнявшая в этой стратегической операции роль засадного полка, сделала вид, что задумалась, и наконец сказала.

– Оно, конечно, Катерина могла бы и не торопиться... Да только кого она здесь у нас дождется? Кто к нам сюда явится... И те, кто есть, уезжают... Аглаев – жених как будто и не завидный... Не получилось бы, как с Арсеньевым...

11. Михал Михалыч собственной персоной

Эх, душа-человек, каким боком его не повороти – все золотой!
А. Н. Островский.

Удар, нанесенный Софьей, пришелся в цель, в самое больное место Холмской, которая всю историю с Арсеньевым ставила себе в вину и не переставала корить себя за недосмотр и недальновидность. «Господи, как же умна Софья!» – подумала Елизавета, видя, что мать поджала губы, это всегда означало ее решимость действовать, оставляя всякие сомнения и размышления.

Михаил Михайлович Арсеньев, по прозвищу Михал Михалыч Собственной Персоной, был, как и Аглаев, и князь Ратмирский, и Бегичев, в числе самых завидных женихов округа. В свои двадцать семь лет он выглядел на тридцать пять, молодцеватый красавец, желанный гость в любой усадьбе, он именно так и представлялся – Михал Михалыч Собственной Персоной, часто являясь к соседям как снег на голову, к нескрываемой радости девиц и их матерей.

Михал Михалыч некоторое время жил в столицах, но ни военная, ни статская карьера не привлекли его. «Что служба, – говорил он, – ежели Бог одарил четырьмя деревеньками, так грех не пожить в свое удовольствие». И все, что он делал, он делал именно в свое удовольствие, но всегда и в удовольствие тех, с кем соседствовал, охотился, сидел за столом или вел беседу.

Он дружил и с Александром Нелимовым, занимался с ним фехтованием и стрельбой и не без успехов, но себе не в тягость, а ради развлечения, и как и всегда и во всем – в удовольствие. Более всего он любил охотиться, но даже и в этом азартном деле умел соблюдать меру.

Михал Михалыч был умен, но главное, чрезвычайно любезен, однако не приторно и не лживо, а вполне искренне. Девиц и женщин он называл только Богинями, Божествами, Верхом Совершенства и Вершиной Творения, и иногда пускался с ними в серьезные беседы, неопровержимо и всегда оригинально и с изяществом мысли доказывая превосходство женской природы как таковой с философской, так сказать, точки зрения.

Его комплименты многие девицы и дамы даже записывали себе в альбом как своего рода поэтические произведения. Причем, он никогда не лицемерил и не лгал, а всегда находил повод сказать приятное, не уклоняясь от беспощадной истины, не опровергая ее, а ловко обходя стороной.

Так, например, у Глафиры Сандаковой он восхвалял ее глаза и ресницы – в самом деле прекрасные, особенно если не принимать во внимание все остальное.

И уж если он находил возможность, не кривя душой, восторгаться Глафирой Сандаковой, то что говорить об остальных девицах округа. Многие из них не то что хороши, а просто бесподобны, о чем им почти никто, кроме Арсеньева, не говорил, по причине свойственной недогадливым мужчинам неловкости и неумения облекать очевидное в запоминающиеся слова, так нужные женщине, просто, можно сказать, даже необходимые и поддерживающие ее в самые трудные минуты, когда иной раз уж и свет не мил от беспросветной тоски и скуки в провинциальной глуши и жизнь пропала, совершенно и безнадежно загублена, и вдруг: «Ах, Боже мой, какая походка, право вы способны свести с ума любого мужчину», – и солнце снова сияет меж облаков, и жизнь не кончена, и в сердце оживает неясная надежда.

Мужчин (всех, кроме Александра Нелимова и Петра Петровича Зайцева) Арсеньев тоже засыпал похвалами и комплиментами. Протасову он до небес превозносил его генеральские овсы, сам их, правда, он у него не покупал – но не по причине высоких цен, а мотивируя это отсутствием у себя генеральского чина. Прекрасный танцор, он не упускал случая высказать Протасову свое восхищение тем, как тот, не вовремя войдя в очередную фигуру контрданса, умеет ловко и изящно исправить свою неточность по ходу танца.

Бегичеву Арсеньев не раз замечал, что если тот поступит в статскую службу, то достигнет очень высоких степеней, с какой бы должности он не начал. Аглаева, который помещал свои стихи в журналы и был за то жестоко терзаем критиками, Арсеньев уверял, что в его творениях все же есть самое главное для поэзии, а именно: неподдельный восторг и вдохновение, и даже говорил, что сам бы написал хвалебную статью о его поэмах, если бы не боялся нападков завистливых критиков, истинных неудачников от пера, готовых мстить за свою бездарность всем поэтам, чела коих хотя бы слегка коснулся своей рукою покровительствующий им Аполлон.

Что же касается другого поэта, барона Дельвига, то Арсеньев вытребовал у него списки его стихов, знал их все наизусть и часто очень к месту приводил строки из них, замечая смущенному барону, что его слова уже давно стали крылатыми фразами в устах истинных ценителей и знатоков поэзии.

Старуха Тверская явно благоволила Арсеньеву и называла его Любезником, на что он всегда отвечал ей: «Тем и живы, матушка, на том свет стоит».

Арсеньев имел четыре деревеньки, каждая душ в семьдесят, что не так мало. Занятием хозяйством он особо не утруждался, однако все же присматривал за старостами и менял их раз в два года, по поводу чего рассказывал об опровержении им притчи о нищем и мухах, облепивших его раны.

Согласно притче, когда прохожий, из сочувствия, отогнал мух, нищий не обрадовался облегчению страданий. По его словам, согнанные мухи уже напились крови и поэтому мало мучили его, а новые, которые займут их место, голодные и будут сосать кровь еще сильнее.

Арсеньев увлекался и философией и вместе с Александром Нелимовым иногда посещал Петра Петровича Зайцева. За глаза Арсеньев называл его «нашим доморощенным Сократом» и «русским Платоном и Аристотелем». Философией он интересовался поверхностно, не вникая в ее премудрости глубже притч и исторических анекдотов, изложенных Диогеном Лаэртским – то есть не тем, который из гордости жил в бочке, удаляясь таким несколько необычным способом от суеты мира, а другим Диогеном, известным не философскими, а историческими сочинениями.

Притчу о нищем и мухах Арсеньев рассматривал с точки зрения смены старост в своих деревнях. Он пришел к выводу, что притча не верна, ибо велика разница в природе животного – в данном случае насекомого – и человека.

«Известно, – говорил Арсеньев, – что животное лишнего не берет. Невозможно, например, заставить лошадь выпить воды больше, чем требует ее естество. Человек же – особенно когда дело доходит до хмельного зелья – не знает меры. То же самое касается денег и наживы – жадность, присущая человеку, здесь безгранична. Мало того, голодная муха сосет кровь совсем не так, как ворует староста или приказчик. Муха сразу сосет много и безудержно, а насытившись – меньше. Староста же сначала ворует понемногу, осторожно, побаиваясь и барина и Бога, а потом, убеждаясь в безнаказанности, – помногу и теряя всякий контроль над собой – уже совсем без удержу и без опаски. Из этого следует, что не всякая притча верна, а иной раз даже если и верна, то не ко всякому делу приложима».

Исходя из этих философских в основе своей соображений, Арсеньев часто менял старост, сгоняя их как мух с доходного места, и хозяйство его, если и не процветало, как у того же Протасова, но и не разваливалось, как, например, имение майора Нелимова. К тому же, увлекаясь охотой, Арсеньев часто посещал свои деревеньки и уголья, любил поговорить с крестьянами и таким образом более-менее знал, что творилось в его владениях. Крестьяне же, народ, в большинстве своем, сметливый и остроглазый не упускали случая указать барину на воровство и беззаконие его ставленников.

Само собой разумеется, многим хотелось бы заполучить Арсеньева в качестве жениха. Но ни у кого такой надежды не было, так как сам он – умудряясь никого тем не обидеть – в отношении невест открыто отдавал предпочтение семейству Холмских.

– Милая, божественная, Мария Алексеевна, – говорил он Холмской, – жестокосердная Судьба лишила меня счастья стать соискателем руки вашей, но Судьба-негодница решила исправиться, давая возможность надеяться обрести в лице вашем замечательную тещу.

Ах, если бы Холмской быть чуть моложе! Хотя бы всего лет на пять... Ну да к чему мечты... При трех дочерях, да еще старшая в Петербурге, а младший сын в Москве... Нет, конечно, это невозможно... Хотя... И все же нет... «Улетела пташечка в дальние края. Унеслася молодость ясная моя...» – как пел Михал Михалыч Собственной Персоной...

Арсеньев играл на гитаре и исполнял на манер цыган такие трогательные песни, что, право, никакой женщине не устоять бы перед ним... Ах, как у него бесподобно получалась и та же «Пташечка», и «Жалобно стонет ветер осенний, листья кружатся поблекшие», и «Стонет сизый голубочек». Нет, конечно же, нет... Действительно, если ей сбросить лет пять... Ну да как их сбросить? Нет, нет. Дочери – другое дело...

Несомненно, Арсеньев был первым женихом в округе. Не считая, понятное дело, Александра Нелимова. Хотя, что Нелимов? Во-первых, он во власти Старухи, княгини Тверской, и назначен ею племяннице своей Поленьке... Во-вторых, он еще очень молод, и имение их разорено совершенно...

Добавлю от автора, что, в-третьих, Александр Нелимов почти что донжуан, число его романов и связей – впрочем тайных и пока еще не скандальных – говорит о многом и кого-то привлекает, а кому-то служит предостережением. И к тому же Александра ожидают впереди приключения, опасные и рискованные, совсем не способствующие мирной семейной жизни и ровному горению уютного семейного очага.

Арсеньев же словно создан для радостей в семейном кругу и удовольствий размеренного и покойного, но как раз не скучного быта.

Владения Арсеньева и Холмских имели общую – всего в версту – границу, и он называл себя их законным соседом, и часто по-соседски заглядывая к ним на огонек, в шутку обсуждал свою будущую женитьбу на одной из дочерей несравненной, божественной Марии Алексеевны.

Арсеньев восхищался умом Софьи и уверял, что женился бы только на ней, если бы не так долго ожидать, пока невеста достигнет брачного возраста. Что касается Катерины, то, по мнению Арсеньева, его соскучившемуся по женской руке имению нужна именно такая хозяйка. Но... Зная претензии Аглаева, он не дерзнет соперничать с поэтом.

Поэты имеют неоспоримое преимущество перед простыми смертными в борьбе за женское сердце, преимущество, дарованное им музами взамен иных житейских радостей и удовольствий, коих поэты часто лишены.

– Я ведь тоже пробовал взобраться на Парнас, – рассказывал Арсеньев, – однако не дано. Казалось бы владею слогом – а стихи не идут. Сбиваюсь в мыслях на охотничьи картины. А уж когда дошло до того, что стан богини сравнил со статью густопсовой борзой и начал воспевать изгиб напружины, уходящий к комлю правила... Понял, что богохульствую, сам того не желая, и навсегда зарекся брать в руки перо с поэтическими намерениями. Нет, Аглаеву я не соперник, поэт превыше нас, грешных и не умеющих воспарить ввысь на крыльях вдохновения.

Другое дело Елизавета. По твердому убеждению Арсеньева Боги, создав Марию Алексеевну Холмскую (в девичестве Бартеневу), несомненно, первую красавицу уезда, сами поставили себя в довольно затруднительное положение. С одной стороны, сотворить нечто более совершенное в смысле женской красоты и обаяния уже невозможно, а с другой стороны, нельзя же останавливаться на достигнутом...

И вот, чтобы выйти из этой ситуации, Боги – поскольку для них нет неразрешимых задач – и создали Елизавету и она почти достигая совершенства матери, превосходит все прочие творения и божественные замыслы.

Марии Алексеевне было трудно не признать справедливость таких рассуждений и в шутку-полушутку считалось, что как только Елизавете исполнится шестнадцать лет, Арсеньев заговорит о ее будущем уже серьезно. И оставалось-то всего год, и ничто не предвещало никаких угроз... Конечно, жених он завидный, однако ж соперничать с дочерьми Холмской, казалось, никто не отважится...

12. Коварство и любовь

Безгранично коварство женщины!

И. Ф. Шиллер.

По соседству с Холодными Ключами – так называлась усадьба Арсеньева – жила при трех достойных деревеньках вдова Карамышева с девятнадцатилетней дочерью. Дочь – Евгения – окончила в Твери частный пансион, обучалась хорошим манерам, пению, игре на clavесине, французскому и немецкому языкам, как будто мало девице русского, чтобы высказать все сокровенное, но замуж не вышла и вернулась к матери.

Хотя девица видная и милого характера. Но где же на всех девиц, даже видных собою, набраться женихов. Женихи порою слепы. То все как один едут свататься к Катеньке Нелимовой, то их вовсе днем с огнем не сыскать, а то они все уже распределены и станешь за ними в очередь, всю жизнь в девках и прождешь.

А у Карамышевых – такой жених под боком – Арсеньев. Ну да он в другую сторону поглядывает, жених не конь, на него, как и на деньгу, оброть не накинешь.

И вот как-то зимой к Карамышевым из Твери приехала погостить подруга Евгении, с которой они вместе постигали премудрости книксенов и реверансов под руководством мадам де Форж, игрою судеб заброшенной то ли из Парижа, то ли из Марселя в славную дремучими лесами Тверскую губернию.

Подругу звали Лидией. Она была любимой, единственной дочерью очень влиятельного губернского чиновника Кимрина, дворянина в первом колене, получившего потомственное дворянство за выслугу ордена.

Евгения вместе со своей матушкой созвали гостей на небольшой праздник по случаю именин Евгении. Арсеньева пригласили, конечно же, в первую очередь, и он, как всегда, доставил всем гостям удовольствие и блистательными комплиментами, и пением под гитару, заставляя даже девиц, казалось бы еще не претерпевших волнующих опытов быстротекущей жизни, а уж тем более дам в возрасте смахивать слезу, когда вкрадчивым, страдающим баритоном адресовал их беззащитным сердцам томительно-мучительное

Не пробуждай воспоминаний
Минувших дней, минувших дней...

Главная гостья, подруга именинницы – Лидия – не отходила от Арсеньева весь вечер. Она была красива, уверена в себе и смела. Арсеньев очаровал ее, как и многих, за кем полухаживал.

На следующий день Лидия неожиданно уехала в Тверь, хотя накануне совсем не собиралась покидать хозяев. Она обещалась гостить до Святков, чтобы погадать на жениха в деревенской бане, потому что только такое гадание надежно, правда, очень опасно – в бане нечистая сила в своих правах, ну да что ни сделаешь, если тебе уже за девятнадцать – не шестнадцать, когда только-только, и не семнадцать, когда самая пора, и даже не восемнадцать, когда уже тревожно и досадно, а девятнадцать – а жениха все нет, и хоть одним глазком бы взглянуть – где он там замешкался, да и вообще, кто он – суженый, неизвестно кем назначенный, и почему не поторапливается.

И Евгения и Лидия переступили эту черту – девятнадцать лет. Но у Евгении – никаких перспектив, надежда только на то, что вдруг неизвестно откуда явится *он*... За Лидию уже сватались, она отказывалась, потому как в тех, кто просил у папеньки ее руки, не разглядела *его*...

Лидия уехала, а через неделю, сразу после Святков, к Арсеньеву вдруг явился ее отец – Кимрин. Приехал в небольшой, на полозьях, английской карете, четверкой английских лошадей и с полным охотничьим снаряжением.

Кимрин рассыпался в благодарностях за приглашение на охоту. Охотник он заядлый, а более всего любопытный и потому не мог упустить возможности поохотиться на волка с поросенком, ведь никто о такой охоте в наших краях и не слыхивал.

Арсеньев, едва скрыв удивление появлению гостя, припомнил, что на именинах у своих соседей Карамышевых действительно рассказывал подруге Евгении Карамышевой – ее имени он даже не запомнил – об охоте на волка с поросенком. Охота эта почти неизвестна в Тверской губернии. Арсеньев приобрел навык охоты на волка с поросенком в Могилевском наместничестве, где ему пришлось побывать по случаю покупки его давним приятелем имения.

Правда Арсеньев вроде бы не приглашал к себе на охоту ни подругу соседей, ни ее родителей. Но, впрочем, это не имеет никакого значения. Охотник охотника, как рыбак рыбака видит издалека. Тем более когда речь идет об охоте на волка с поросенком.

Ведь никто, кроме Арсеньева, и представления не имеет, как это делается. А если кто-то и слышал или даже сам принимал участие в охоте на волка с поросенком, то не всякий может устроить такую охоту. Она вроде бы проста, но требует особых навыков и – что важнее всего – нужно иметь лошадь, приученную не бояться волков.

Такую лошадь обучают не один год, обучая ее не пугаться собак, повязанных свежими волчьими шкурами, не потерявшими запаха серого лесного разбойника, того самого запаха, уловив который своими трепетными ноздрями, лошади несутся, вырываясь из упряжи, исходя пеной, бешено выкатывая глаза и разбивая в щепы задними ногами передок саней.

Сама по себе охота на волка с поросенком отчасти напоминает зимнюю охоту внаездку на саях с верховым загонщиком и с борзыми. Во время такой охоты борзых прячут в саях, укрывая их попонами. Охотники под видом крестьян едут по дороге на саях. Верховые загонщики поднимают волков и на рысях, криком и хлопучками выгоняют их в поле.

Волки, оказавшись в поле и видя, что впереди по дороге едут крестьяне на дровнях, не боясь, мчатся наперерез, чтобы прорваться в соседний лес. Когда они уже совсем рядом, охотники выпускают из саней борзых и те тут же настигают волков.

Охота эта прекращается, когда поля покрываются сугробами. Борзые вязнут в глубоком снегу и как не стараются угодить хозяину, не могут достать волка.

Волки же, движимые не желанием выслужиться, а жадной жизни, рвутся к спасительному лесу по глубокому снегу, широко расставляя передние лапы, поджав задние и садясь на пазанки, отталкиваясь задом и поленом (хвостом), пружиня всем телом, бросками преодолевают в мгновение ока любые сугробы, пока борзые, виновато воя и показывая усердие, по уши зарываются в снег.

Вот как раз в это время, около Святков и чуть позже, пока не началась течка у старых волчиц и еще не начали пустовать волчицы-переряжки, и возможна охота на волка с поросенком. В это время оголодалые молодые волки, да к тому же оттесненные от ганьбы матерыми собратьями, совсем теряют бдительность, бродят по дорогам, подходят близко к деревням, загрызают неосторожных собак, дерзко врываются в овчарни и даже запрыгивают через небольшое окошко в хлев и могут зарезать крупную скотину, и беда одинокому путнику, оказавшемуся ночью за околицей.

Охотиться с поросенком можно только в ночное время, само собой разумеется, в полнолуние, когда среди снегов видно почти как днем и удастся сделать прицельный выстрел. Обычно едут вдвоем, в розвальнях, третий – возница. Собак с собой не берут.

Охотники укрываются овечьими шкурами, пряча под ними и ружья – волки за версту чуют запах пороха и пороховой гари. Возницу обязательно наряжают в крестьянскую одежду.

На полугодовалого поросенка надевают ошейник с длинным десятиаршинным поводком и привязывают к розвальням. Снарядившись таким образом, ближе к полночи ездят вдоль леса по проезжей дороге.

Визжащий от холода поросенок привлекает неопытных, осмелевших от голода молодых волков, и они – в одиночку или по два-три – бросаются за санями, поддаваясь на предательский визг желанной добычи, и попадают под выстрелы внезапно появившихся из-под овечьих шкур охотников.

Поросенка или успевают загрызть волки, или ему достается часть картечи, предназначенной серым хищникам. Поэтому иногда, желая сохранить поросенка для следующей охоты, его сажают в мешок, завязывают, оставив свободной только голову, и берут с собою в сани.

А на поводок цепляют потаск – мешок, набитый соломой из поросячьего хлева. Выехав к лесу, поросенка нещадно дерут за уши, он визжит, волки, услышав визг, бросаются в погоню, ведомые еще и запахом, исходящим от мешка с соломой, который волочит за санями.

Очень важно иметь для такой охоты лошадь, приученную не бояться волков. Когда волки подбегают на ружейный выстрел, возница должен остановить сани. Если лошадь не обучена, ее не удержать, когда сзади нее несутся волки. А на ходу меткого выстрела не сделаешь.

Охота на волка с поросенком становится опасной, если устроить ее, когда у матерых волчиц уже началась течка. Тогда на визг несчастного поросенка может выбежать волчья стая. Не «волчья свадьба» – полсотни, а иной раз и более волков, собирающаяся в конце февраля, а собственно стая – ее называют «семьей» или «артелью».

В такой «артели» одна волчица – матка, один матерый самец, два-три годовалых волка – переярков и три-четыре прибылых молодых волков, из выводка этого года.

Именно такая «артель» во главе с Тимофеичем или Серым и держит в конце зимы в страхе всю округу.

Это они ходят, ступая след в след, так что не отличить, один здесь прошел лесной разбойник или десяток. Это они могут загнать лося, при случае загрызть человека или напасть на крестьянина в санях и растерзать и его самого, и лошадь. Это они – вечные голодаи, это их «ноги кормят», это на них хороша шуба – волчура – никакой мороз не проймет, да пришита, попробуй сними, это их волчьим слезам нет веры, это они обманчивы и неуловимы как счастье, это они режут все стадо, не щадят ни одну овцу, уж коли ворвались в овчарню, это им не клади пальца в пасть – отхватят руку по локоть, это они, сев в кружок на синем снегу посреди поляны в окружении черных, заостренных к звездному небу елей, воют на манящую таинственным светом луну, оглашая округу протяжными, тоскливо-пугающими звуками, от которых мужик даже в избе на печи поеживается, это они умываются до первых петухов жидким светом дрожащего рассвета, это они легки на помине, лучше уж не поминать, это они всегда готовы, стань только перед ними овцой.

Это их глаза светятся из лесной чащи зловещими зелеными огоньками. Это они – страшные самоглоты пожирают солнце и напускают на землю неприютную зимнюю голубоватую стужу. Это они – призраки ночи, страшные, рышущие и кровожадные.

И это их боясь, лучше в лес не ходить – однако же волчатники не боятся, ходят и бьют волка, волкобойничают, травят, обкладывают со всех сторон. И волкуют – то есть устраивают охоту на них с поросенком.

Только волкуют не на стаю, не на «семью»-«артель», а на «единцов», лучше уж с ними, «единцами», и даже огромными «выродками» иметь дело, когда собрались волковать.

А если на пронзительный визг поросенка выбежит «артель» да с первых выстрелов убить волчицу – тогда дело, считай, пропащее, «артель» теряет всякую опаску и страх и с отчаянным остервенением бросается на охотников, не пугаясь ружейных выстрелов, и двум волчатникам тогда только и остается, что успеть помолиться да попрощаться с жизнью, как и вознице вместе

с лошадию, обученной не бояться волков, ведь наука эта не спасает от острых как стальные ножи клыков быстроногих серых разбойников, незнающих ни пощады, ни милосердия.

Именно такой случай и произошел с Арсеньевым и его незванным-непрошленным, но, надо заметить, желанным от скуки деревенской жизни гостем. Время-то уже было после Святка. Волковать поздновато. Да не отказать же гостю.

Кимрин взял с собою в розвальни десятка полтора ружей, чего делать обычно не нужно. Но как знать, что нужно, а что нет. Арсеньев видел, что гость хочет похвалиться ружьями английской и немецкой работы, и не стал возражать. Тем более что ружья, слава Богу, оказались безотказными. Это и спасло им жизнь.

Когда из леса выскочила «артель» и в мгновение ока догнала сани с голосистым визгуном, волки набросились на мешок с соломой на привязи. А волчица-матка, не обратив внимания на потаск, пошла на сам визг и в несколько прыжков оказалась у розвальней.

Арсеньев не успел опомниться, как его гость сделал непоправимое – выстрелил на ходу. Луна в этот миг как раз оказалась за спиной охотников, стрелок Кимрин был отменный и с близкого расстояния разможил волчице-матке голову.

Возница, услышав выстрел, остановил лошадь. «Артель» уже подбежала к волчице и, увидев кровь волчицы-матки, обезумев, ринулась к саням. Пока Арсеньев кричал вознице, чтобы тот гнал лошадь, Кимрин палил из своих ружей по волкам, расстреливая их в упор. Когда розвальни наконец тронулись, то за ними бежало всего два волка. Одного из них Арсеньев и Кимрин убили, а оставшийся в одиночестве опомнился, отстал и убежал в лес.

И Арсеньев, и его гость перепугались до смерти, однако с честью вышли из переделки, в которую попали, а добыча – семь волков за одну ночь стала предметом зависти и легендарных рассказов на целых полвека для всех уездных охотников.

13. Его всемогущество Иван Кузьмич Кимрин

*Горы свернет, реки вспять оборотит.
Русское народное присловье.*

Дальше историю о «похищении» Арсеньева рассказывают по-разному. Люди доверчивые и наивные считают, что именно опасный случай на охоте и сблизил Арсеньева с Кимриным. Кимрин пригласил Арсеньева к себе поохотиться с борзыми.

А борзые у Кимрина лучшие во всей губернии, а может, и не только в губернии. Слава о них не гремит только потому, что, как человек осторожный, Кимрин не выставляет напоказ то, что имеет. А так его борзые не уступят ни знаменитым Троекуровским, ни хваленым губернаторским – их хвалят-то больше по чину хозяина.

Ну а где охота, там и застолье, а где застолье, там и задушевная беседа. А Арсеньев не так и молод, пора подумать о обзаведении семейством, а у Кимрина дочь на выданье, да и красавица. Так они и породнились.

Сам Кимрин невысокого роста, с круглым животиком, услужлив и суетлив, хотя видно, что себе на уме. И глазки у него – маленькие, черненькие, быстрые как тараканы. Жена его была хороша собою – высокая, стройная брюнетка.

А вот дочь – белокурая, с ясными голубыми, словно два глубоких озера, глазами. Жена умерла родами. Дочь Кимрин любил больше собственной жизни. Попроси она солнце и луну с неба, то по истечении некоторого времени эти астрономические тела окажутся в покоях свет-Лидии, вопреки тому, что им по законам небесной механики приличнее вращаться по своим орбитам в межзвездном пространстве, у Кимрина другой закон: чем бы родное дитя не тешилось, лишь бы не грустило да не печалилось.

Кимрин происходил из чиновного сословия, но когда подросла дочь, при случае иной раз рассказывал, что вообще-то род их очень древний и даже княжеский, правда, обедневший и утративший и титулы и звания за давностью лет.

Согласно полузабытым семейным преданиям, род свой Кимрины должны вести от Кима, короля германского племени кимвров, кои едва не завоевали Древний Рим, а позже расселились на севере Скандинавии, откуда некоторые из них отправились на Британские острова, а иные – на Русь, где некий Ким, потомок короля Кима, основал город Кимры на реке того же названия.

Город этот из-за отсутствия торговых путей стал по разряду селом и его приписали к царскому дворцу по причине знатности своего властителя – Кима. Один из его потомков утратил княжеский титул следующим образом.

Потомок этот на досуге овладел сапожным искусством и сшил сапоги для самого царя Алексея Михайловича, родителя великого императора Петра I. Сапоги, исполненные с необычайным мастерством, очень понравились царю, и, узнав, что их сработал князь Ким, Алексей Михайлович велел упразднить княжество, а князя записать по ремеслу его царским сапожником.

С тех пор Кимрины и утратили свой титул. Однако германское происхождение дает о себе знать – именно отсюда и у дочери его, Кимрина, чиновника уже шестого класса, коллежского советника – а там, смотришь, и пятого класса – статского советника – белокурые волосы и голубые глаза, совсем как у какой-нибудь Кримгильды, возлюбленной какого-нибудь Зигфрида.

Подчиненные Кимрина вполне соглашались с генеалогическими воззрениями коллежского советника на историю племен и народов. Хотя в большинстве своем склонялись к иной точке зрения, так как белокурые волосы и голубые глаза вызывали у них мысли о другом

князе, правда, тоже явно германского происхождения, Отто Карловиче Кайзерлинге, вице-губернаторе, при котором Кимрин начинал свою служебную карьеру коллежским регистратором четырнадцатого класса.

Отто Карлович был – дай нам Бог память, а его высокопревосходительству землю пухом – и белокур и голубоглаз, на то он и немец... Правда, годочков ему тогда минуло за восемьдесят... Однако мужчина видный и строгий, и ничего не скажешь – крепкий...

Однако подчиненные Кимрина сами, кто седьмого, кто восьмого класса – все не четырнадцатого, а потому и не глупы и с опытом – мысли свои умели держать при себе, что обычно немало способствует продвижению по службе.

Но как бы там ни было, а Лидия Кимрина – красавица. И мно-гим отказала в просьбе руки своей. Но как отвергнуть Арсеньева, если он, тронув рукою трепетные струны цыганской гитары, попросит:

Не уходи, побудь со мною
Пылает страсть в моей груди
Восторг любви нас ждет с тобою
Не уходи, не уходи!

Ну где уж тут уйдешь, если «Восторг любви нас ждет с тобою»? Тут не откажешь, даже если у тебя каменное сердце. А ведь оно, сердце, не каменное... И Лидия, конечно же, не отказала...

Люди, более догадливые и умеющие увидеть то, что не всякому бросается в глаза, а иной раз и надежно скрыто, рассказывают историю брака Арсеньева совсем по-другому.

Не просто так уехала тогда, не догостив, Лидия Кимрина от Карамышевых. А потому что Арсеньев, сам того не приметив, поразил ее в девичье сердце, неустанно ожидающее любви. И, вернувшись под отчий кров, она не могла ни есть, ни пить, одолеваемая девичьей неотступною думою.

А когда любезный, души в ней не чаявший родитель приступил к дочери с расспросами, открыла ему причину своего смятения и тайные свои чаяния. И Кимрин положил во что бы то ни стало добыть желанного жениха.

А надобно знать, что если Кимрин что-либо решил, то так тому и быть. И ловчее и оборотистее человека, чем Кимрин, не то что в Тверской, а и в соседних губерниях не сыскать. Да что там в губерниях. Занеси причудница судьба Кимрина в столицы, и там бы очень многим важным и значимым людям пришлось бы подвинуться, пристройся где-нибудь сбоку неприметный вроде бы на вид Иван Кузьмич Кимрин.

Кто-кто, а он любое дело мог повернуть так, как надобно. Такой уж это человек – Кимрин. Он в мороз не замерзнет и из воды выйдет сух, и в полyme не сторит. Это только простакам кажется, будто хозяин в губернии – наш добрый губернатор. А умные люди давно заметили, что без Кимрина губернатор и пальцем не шевельнет, и шагу не ступит.

Да что губернатор. Сама губернаторша, чуть у нее какое нестроение – тут же посылает за Иваном Кузьмичем. Он любой узелок распутает, с ним и чай хоть без сахара пей – а слаще не сыщешь, он любую печаль-беду руками разведет, любую звездочку с неба достанет. А уж наряды...

Кажется, и немолода губернаторша, и не то чтобы статью удалась. А выйдет на балу в полонезе – первым красавицам от зависти хоть тут же и умри. А за всем этим тень Ивана Кузьмича, вроде бы и неприметная...

Иван Кузьмич не из тех, кто любит прихвастнуть. И многое из того, что им сделано, ни одной душе неведомо. Сын губернатора, блестящий молодой человек, служит в гвардии, сколько раз проигрывал за карточным столом – и двадцать тысяч, и пятьдесят, на то она и

гвардия, дело известное. А ни отцу, ни матери о том и невдомек. Иван Кузьмич все покрыл, тихо, без разговоров и без шума.

А уж что по хозяйским делам... Чего не коснись Кимрин – все сделано и в самом лучшем виде. И чуть какая неувязка – все к Ивану Кузьмичу. И казалось, нет таких затруднительных положений, из которых он не сумел бы выйти.

Одним словом, любую загадку разгадывает, любого хитреца перехитрит, любой замысел осуществит. Ну а если родной, любимой дочери надобно – тут уж перед ним никто и ничто не устоит.

И на охоту к Арсеньеву, прикинувшись званым гостем, Кимрин приехал не ради того, чтобы поволковать. Все-то он знал заранее. Все только для того, чтобы поближе сойтись с будущим женихом. А главное, чтобы с глазу на глаз сказать ему словцо о приданом.

Приданое за дочкою Кимрин давал – пятьдесят тысяч и новый каменный дом в Твери. Немалое приданое. И не сказать, что большое. Ну да это только для отвода глаз. Все знали – приданое за дочкой Кимрина – миллион.

Откуда же у скромного чиновника миллион? При его-то жалованье? Ну, жалованье это одно, а дела – с его-то, Кимрина умом – другое. Взятки Кимрин не брал. Только долю. И все купцы и подрядчики знали: долю отдай и не знайся, да зато дело верное. А с хороших прибылей – отдать долю не жалко.

А уж за Иваном Кузьмичем – как за каменной стеной. Поставки в армию – выгоднейшее дело, миллион на миллионе едет и миллионом погоняет – прибрала к рукам любимая племянница светлейшего князя Потемкина, Александра, в замужестве Бранницкая. И все, черпавшие из этого бездонного золотоносного источника (а из него только зачерпни – вот тебе и горсть золотого песка, а то и самородок фунта в два-три), лишились надежного, немалого дохода, который и сосчитать-то не так легко.

Все да не все. Иван Кузьмич Кимрин съездил к Александре Васильевне, потолковал – с умным человеком кто откажется потолковать – и тверские купцы, и подрядчики своего не потеряли.

Казалось бы, доходы купцов должны частично уменьшиться, что и понятно, что и слава Богу – иные ведь остались совсем без ничего. Ан нет! Доходы и прибыли как раз увеличились! А почему? А потому что умен Иван Кузьмич, ох умен! Так как же не отдать ему долю? А с таким умом разве не сладит он дело с Арсеньевым?

А что на охоте с ними приключилось – дело случая. Уж коли Иван Кузьмич умен, ловок, изворотлив, предусмотрителен и догадлив, то почему бы среди этих достоинств не сыскаться храбрости и решительности? И исправной меткости в стрельбе из хороших, надежных ружей? Ведь это надо же – вдвоем, в одну ночь – взяли семь волков! Что ни говори, а Иван Кузьмич еще ко всему и удачлив.

Ну а Арсеньева, как уехал с Кимриным поохотиться с его борзыми, так два года в родных Холодных Ключах и не видели.

Только слышали. И что женился на дочке Кимрина, и приданое – для отвода глаз – пятьдесят тысяч и новый каменный дом, а на самом деле миллион, и что свадьба – вся Тверь век помнить будет, и что губернатор в посаженных отцах, и что Арсеньев – с его-то обхождением – теперь у губернаторши второй человек после Ивана Кузьмича Кимрина, и что выезд у молодых – не меньше ста тысяч, и что сразу же в чужие края, под голубые италийские небеса, и что прикупили новое имение, а борзые теперь у Арсеньева такие, что даже сам князь Бярятинский предлагал ему за одну его свору своего знаменитого полубрудастого Зверя, которому, по мнению знатоков, нет и не будет равных. Предлагать предлагал, Арсеньев подумал, подумал да и не согласился, его свора и Зверю не уступит.

Вот так, ни с того ни с сего Марья Алексеевна Холмская лишилась, почитай, готового жениха для старшей дочери.

14. Улетела пташечка

*Не одна-то ли, да одна
Ей во поле дорожка,
Во поле дороженька.*

Русская народная песня.

Явившись через года два в родное имение, Арсеньев вместе с молодой женой заглянул к соседям... «Ах как выросли ваши дочери, Мария Алексеевна! Ведь я их все себе в невесты намечал. Как повзрослела умница Софьюшка! Как хороша хозяйюшка Катерина! А Лизонька, свет очей моих, ну вся в маменьку красавица! Да ей уж и замуж пора!»

А Лидия, теперь уже Арсеньева: «Ах какие у вас замечательные дочери! Как хороши! Им теперь уже женихи нужны. Их бы в Москву, на ярмарку невест. Они бы произвели настоящий фурор!»

Дочки хороши. И женихи нужны. Да где ж их взять. Если и есть какой, так мигом утащат заезжие востроглазые пройдисветки. А что до ярмарки невест, ты бы, милочка, сама на нее поехала. С твоей персоною имела бы успех.

Дворянство, правда, у тебя без году неделя, уж больно скороспелое, ну да с таким-то приданым сошла бы и за княгиню. А мои дочери потому и хороши, что женихов ни у кого не отбивали и на ярмарке себя не выставляли.

Ну да что ни думай, как губы не поджимай, а Арсеньева не воротишь. А не воротишь, так, значит, не судьба, она ведь, судьба, играет с девицей, как кошка с мышкой, попавшей ей в лапки, а лапки-то с коготками. Ну да Лиза, вон, не засиделась, поди скоро княгиня... А при таких делах Катерину бы за Арсеньева, а не за Аглаева... Ну да что уж теперь, дело прошедшее, не переиначишь...

А ведь Софьюшка права... Аглаев – незavidный жених, да явится какая вертихвостка... Да еще с приданым... И унесет в клюве, как синица букашку...

А что Аглаев... С лица пригож, нраву доброго, хороших родителей. Да и деревенька – одна, да все ж деревенька... Права Софьюшка, по нынешним-то временам кто успел, тот и съел. Ох, права...

Раздумья Марии Алексеевны Холмской были прерваны появлением Катерины. Она неожиданно вошла в комнату и мать и сестры растерянно взглянули на нее, словно она застала их врасплох за каким-то тайным сговором. Катерина повнимательнее посмотрела на них и, заподозрив, что от нее что-то скрывают, прямо спросила:

– Что это вы?

Ее простой вопрос еще больше смутил заговорщиков.

– А мы... Мы... Ничего... Мы так... – оправдываясь, начала Елизавета и, наконец, найдясь, спросила, – что это ты так рано вернулась?

– А тафтеевских в лесу – ни единой души.

– Что же это они так? – вступила в разговор и Холмская, чтобы рассеять подозрение Катерины.

– Забыли: сегодня ведь Григорий-чудотворец.

– Невелик праздник, – с осуждением в голосе взяла строгий тон Холмская.

Елизавета и Софья тоже постарались сделать серьезные лица.

– Праздник невелик. Да тафтеевским только дай повод, чтобы не работать. Солому из матрасов, старые лапти жгут, зиме место готовят, пиво варят. Куда им в лес-то. А мне что в лесу, если тафтеевских нет. Не грибы с девками собирать ли? – Катерина все же недоверчиво

присматривалась к матери и сестрам, по их лицам догадывалась, что у них только что шел какой-то разговор и они хотят утаить его от нее, и опять без обиняков спросила.

– А вы что это, как будто сметану из погреба украли? О чем говорили? Что-то скрываете?

Елизавета не выдержала и, расплывшись в улыбке, вскочила, обхватила сестру за талию и попыталась закружить ее в вальсе.

– И-та-та-та, и-та-та-та...

Катерина сначала сопротивлялась, но потом поддалась ритму движения и, уже кружась с сестрой, говорила:

– Лиза, ну Лиза, что тут у вас?

Но Лиза вместо ответа весело и счастливо рассмеялась и, оставив Катерину, выбежала из комнаты, накинула на плечи в прихожей старый, когда-то подаренный матери отцом полушалок и ушла в парк. Она уселась на скамью у беседки, чудесный вид открывался ее взору.

Справа, совсем невдалеке, темно-зеленой стеной стоял их Надеждинский лес. Прямо, за барскими огородами, расстилались желто-рыжие осенние поля и луга, тянувшиеся до самой излучины речки Протвы. Над гладкой, серебристо-стальной лентой Протвы среди плотных, тугих, сине-свинцовых, словно вымытых в холодной воде облаков висело блестящее неяркими, но еще теплыми лучами маленькое, кругленькое как колобок, солнце.

Слева виднелась их уютная церковка, где скоро Елизавета обвенчается с князем Ратмирским, а Катерина – со своим возлюбленным Аглаевым. Катерина с Аглаевым, конечно же, будут счастливы. Они любят друг друга, им-то хорошо... А что-то будет с ней, Елизаветой?

Улетела пташечка
В дальние края.
Унеслася молодость
Ясная моя...

Воротится пташечка
В мой зеленый сад,
А ты не воротишься,
Молодость назад...

В саду будет пташечка
Песни распевать,
А я, красна-девица,
Буду горевать...

Не лети ты, пташечка,
В мой зеленый сад,
Воротися молодость
Лучше ты назад...

Улетела пташечка
В дальние края.
Унеслася молодость
Ясная моя...

Неужели вот и закончились – и детство и юность-молодость? И Елизавета на пороге новой, совершенно другой жизни, она начнется одним разом, сразу после той ночи, когда... Что-то ждет ее в этой новой жизни? Что для нее князь Ратмирский?

Что Александр Нелимов с теми их взглядами, которыми они обменялись и которые так много значат, и могут стоить ей всего...

И что для нее Оленька Зубкова с ее неожиданным богатством и всеми ее замыслами, коварными и, конечно же, жестокими...

Как-то все сложится, как-то все сложится...

Улетела пташечка
В дальние края.
Унеслася молодость
Ясная моя...

II. Дела давно минувших дней

1. Как все начиналось

Начало – половина дела.

Аристотель.

Пока я рассказывал о странностях Потемкина – его даже А. С. Пушкин называл странным – да пока описывал стремительные боевые действия непоседливо-неутомимого Суворова на Кинбурнской косе и успешный стратегический маневр Елизаветы Холмской, завершившийся полным пленением князя Ратмирского, а также триумф Оленьки Зубковой на помолвке Александра Нелимова и даже нашел время поведать о том, как Набулионе Буонапарте – будущий Наполеон Бонапарт ел вишни с неотразимой в юности Королиной Коломбье, а король Франции Людовик XVI и его жена Мария Антуанетта, преодолев все трудности, все-таки родили наследника престола к безмерной радости своих подданных, читатель (а уж читательницы и подавно) совсем забыл, кто такие братья Соколовичи со всеми их коварными замыслами и кровавыми делами.

Не стану отсылать тебя, мой забывчивый читатель, к первым книгам моего сочинения, перечитав которые, ты мог бы восстановить в памяти образ братьев Соколовичей, не побоявшихся вступить в схватку с высшими масонами за власть над этим суетным миром. Проще кратенько напомнить, кто же они такие, братья Соколовичи.

Это не родные, а сводные братья, внешне похожие, как самые настоящие близнецы. Их дедушка – природный авантюрист, или, говоря по-русски, пройдисвет, пройдоха и проходимец, один из подручных пройдисвета, пройдохи и прохиндея, но гораздо более крупного масштаба и значения – Алексашки Меншикова. Отец Соколовичей похитил приготовившуюся к постригу молодую красавицу и бежал вместе с ней от своей любовницы – немолодой уже, но страстной еще игуменьи монастыря, а та прокляла беглецов самыми страшными проклятьями.

То ли эти проклятья, то ли неблагоприятность судеб не дали беглецам насладиться мирной жизнью в сельской тиши и семейным счастьем. Коварный похититель вскоре погиб на дуэли. А его жена – они успели совершить законный и не всегда обязательный обряд, соединяющий любящих прочными супружескими узами – родила сына, но спустя несколько лет обнаружила, что сын ее горничной похож на ее собственное дитя, как две капли воды.

Это заметил и муж горничной, и под пьяную руку, может сам того не желая, убил жену – а потом лишил жизни и себя. Потрясенная всем произошедшим, избежавшая пострига, несостоявшаяся монашка все-таки ушла в монастырь. Двух сводных братьев Соколовичей воспитала двоюродная тетка, по возрасту годившаяся им в бабушки. Никто не знал, что она когда-то была тайной любовью их, Соколовичей, дедушки, замученного в подвалах сысской канцелярии «Слово и дело».

За что же его немилосердно вздернули на дыбу и до смерти засекли кнутом? А за то, что в казне всесильного Меншикова, уже отбывшего на постоянное жительство в далекий от двorcов Санкт-Петербурга городок Березов, недосчитались уж больно много денег – и золотыми слитками, и бумагами, по которым их можно получить в банках славного города Амстердама. А эти золотые слитки и векселя хранились у тайной любовницы наперсника Меншикова, будущей тетушки братьев Соколовичей, о чем никто и не догадывался.

Тетушка повелела считать братьев родными. Имея старые связи с небезызвестной Марьей Саввишной Перекусихиной, камер-юнгферой императрицы Екатерины II Алексеевны,

она определила старшего из братьев в Сухопутный шляхетский корпус, а спустя год отправила туда же и младшего.

Старший Соколович уже заканчивал учебу, но по свойственной молодости, неопытности сердца запутался в романтической истории и должен был на несколько месяцев уехать из Петербурга. Поскольку никто не мог отличить одного брата от другого, младший не стал поступать в корпус, а занял место старшего, а тот последовал за своей возлюбленной, обещавшей ему райские утехы вдали от столицы во время отсутствия строгого законного супруга.

Когда старший Соколович вернулся в Петербург, братья сообразили, что проделка, вполне удавшаяся благодаря их совершенному сходству, сулит им возможность новых приключений. Ведь таким образом они могли, оставаясь в одном лице, находиться сразу в двух разных местах.

Это так увлекло их юношеское воображение, что братья решили стать одним существом о двух головах или, вернее, в двух телах. Тела эти были молоды, обладали физической силой, ловкостью и умением орудовать шпагой, а головы переполнялись фантазиями самыми необыкновенными.

Братьям снились приключения, смелые и рискованные, заговоры и интриги, самые опасные, и победы, самые блестящие. Задумывал все эти приключения старший, а младший с восторгом принимал его замыслы.

И тут к ним за помощью вдруг обратилась Марья Саввишна Перекусихина. Вместе со своей хозяйкой, императрицей Екатериной II Алексеевной, они просмотрели прямо у себя под носом заговор, в результате которого приближенные императрицы намеревались возвести на престол ее совершеннолетнего сына, а саму Екатерину II... Одному только Богу известно, что случилось бы с Екатериной II.

Старший Соколович (в одном лице, но, разумеется, в четыре руки, вместе с младшим братом) за одну ночь накануне переворота перебил всех основных заговорщиков. Майор Нелимов, участвовавший в этом заговоре, спас смертельно раненного князя Шумского, который возглавлял русскую партию, действовавшую на этот раз вместе с немецкой партией Панина. Шумского и Нелимова арестовывали люди Шешковского, ведавшего Тайной канцелярией, поэтому майору Нелимову и удалось уйти, ловко проткнув шпагой всех до одного нерасторопных головорезов Шешковского.

В живых остались Панин и другие руководители, готовившие переворот. Но без убитых Соколовичами подполковников гвардии, обещавших привести к Зимнему дворцу войска, они ничего не смогли сделать и императрица удержалась на троне, вместо того чтобы свалиться с него и свернуть себе шею, как это делали многие неосторожные или попросту беспечные монархи, да хотя бы, к примеру, ее собственный муж, нехоти попавший из далекой маленькой Гольштинии в необъятно большую Россию, ее ведь, по причине обширности пространств, не то что удержать в узде – понять и измерить и то не каждому под силу.

Таким образом Соколович (два Соколовича в одном лице) оказал императрице Екатерине II Алексеевне неоценимую услугу, ведь трон для монарха – это самое дорогое и бесценное, что у него есть. Но оказав эту услугу, Соколович (ни старший из братьев, ни младший, ни оба сразу или по очереди) не устремился в будуар императрицы, чтобы исполнить вековую мечту всякого русского человека – переспать с царицей или взять в жены царскую дочку и полцарства в виде приданого. И не позарился на прельстительный чин флигель-адъютанта, и не возомнил себя правой рукой государыни, и не возмечтал, как некогда Гришка Орлов, примерить на свою буйную голову царскую корону.

Взявшись помочь императрице выйти из безвыходного положения, Соколович заранее оговорил, что сделает это за плату в один миллион рублей. Екатерина II пообещала заплатить. И заплатила. И не только из благодарности за помощь. Жестокость и железная решимость Соколовича заставила ее содрогнуться. Она первый раз в жизни ощутила чувство страха. И

когда Соколович, получив обещанный ему миллион, исчез, императрица вздохнула с облегчением.

2. И как продолжалось

*Лиха беда – начало.
Русское народное присловье.*

Но Соколович исчез только с поля зрения императрицы и Марьи Саввишны Перекусиной, и то только потому, что они не хотели смотреть в ту сторону, где его, при желании, можно было увидеть. На самом деле Соколовичи оставались в Петербурге. А старший из братьев, выйдя в отставку в чине поручика, даже время от времени помогал людям Шешковского расшифровывать дипломатическую почту, которую удавалось перехватить по неосторожности курьеров, доставлявших отчеты иноземных послов в европейские столицы.

Миллиона, полученного братьями Соколовичами от императрицы, им вполне хватило бы на то, чтобы весело и безбедно прожить всю жизнь. Но они потратили его за несколько лет. Старший Соколович, словно чувствуя запах опасных приключений, заговоров, интриг и жестоких кровавых схваток, в конце концов сошелся с масонами. Не жалея денег и убивая вместе с братом всех, кто так или иначе мешал ему, он достиг высших степеней и градусов низшего масонства шведских, шотландских и прочих маскаранных лож. А потом вошел и в круг высшего, тайного масонства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.